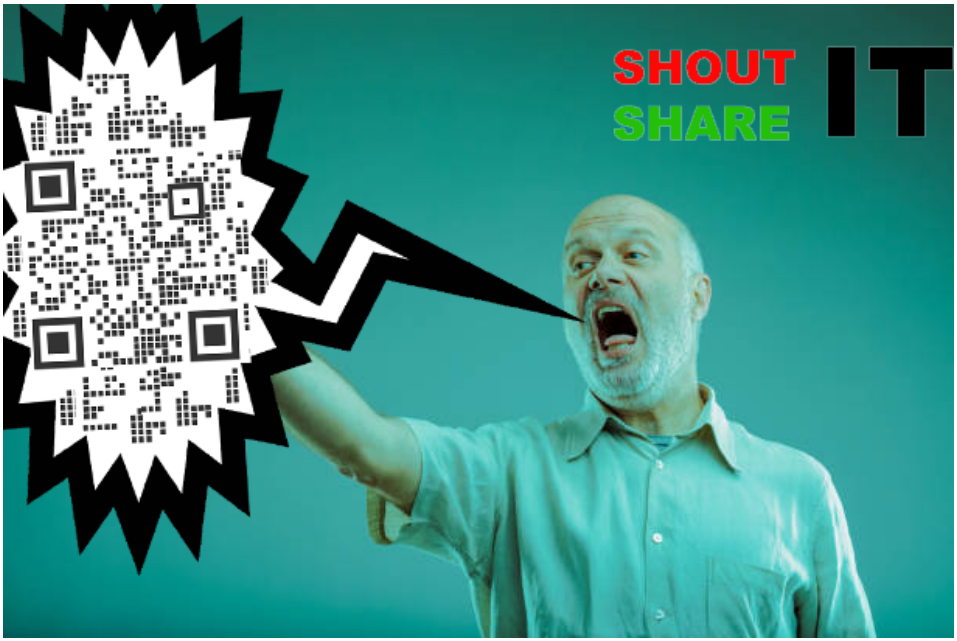
Сознание лейтенанта в лотосе (Равняется целой дивизии)

Откровенный русский

Александр Владимирович Тюрин


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В недалеком будущем вновь пущена в ход мясорубка мировой войны, которая перемалывает хрупкие кости цивилизации. И только внутреннее измерение человека может ненадолго стать укрытием для него. Но командование нашло работу и для внутреннего измерения.

- Александр Тюрин
  -
  - ВМЕСТО ЭПИЛОГА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

Александр Тюрин
Сознание лейтенанта в лотосе (Равняется целой дивизии)

Над городом стелился густой дым, апельсиновый по цвету и запаху.

Апельсиновым он стал вчера, после того как кунфушники разбомбили завод, на котором делались всякие прохладительные-усладительные напитки: соки, шипучки, трясучки. В эту пенистую мочу, для живописности, похоже добавляли слишком много краски, овкуснителей и ароматизаторов.

Моя рота занимала позиции в районе пятого пирса.

Через триста метров водной глади, вернее странно пахнущей жижи, украшенной перевернутыми тушами судов и мазутными разводами, на острове сидят кунфушники и лопают свою говняную тушенку.

Слева, на мысе, среди портальных кранов, похожих на обезглавленных жирафов, тоже кунфушники. Там у них, кстати, полно снайперов, поэтому дымовую завесу устраиваем. А когда дымовые заряды кончаются, то лазерных «зайчиков» в снайперские глазки пускаем. Если «зайчик» попадает, куда надо, то и глаз вон.

Кунфушники еще где-то сзади, в тылу – несмотря на бодрые сводки родного командования, в которых утверждается, что весь город под нашим полным контролем.

Иначе, кто ж нам шлет подарки с помощью 122-миллиметровых минометов?

Хотя не исключено, что это бьют наши минометчики, стараясь попасть по противнику на острове. Ну, немножко не долетает.

Есть еще третий вариант – это стараются какие-нибудь вшивые пидоры, которым кунфушники сбросили ночью пару минометных стволов и мешок с героином. И такого пидораса даже расстрелом не запугаешь, жить-то ему из-за болячек может полгода осталось – и лучше их прожить под кайфом.

А миномет, доложу я вам, неприятная штука. Об этом я даже не подозревал до войны. Мне как-то внушали неприязнь самолеты, линкоры, танки и прочие грозно рычащие хищники. Но выяснилось, что для самолетов у нас есть неплохие гостинцы, запускаемые прямо с плеча из портативной ЗРУ[1], танки в городе – это не хищники, а неповоротливые свиньи, которые

подставляют бока любой пенсионерке с гранатометом, а все линкоры давным давно потоплены кальмарами-диверсантами.

Но вот против миномета, который бьет из раскуроченного спального района, что за железнодорожным мостом, ты слаб и неполноценен. Особенно если минометный расчет пользуется современными корректировщиками огня. Это такие маленькие умные детекторы, по пять долларов штука. Они ловят человеческое тепло и соединяются друг с другом в сеть. Трудно в нее не попасться, еще труднее их обнаружить, потому что они ничего не излучают и общаются с «коллегами» лишь на отраженных радиоволнах. Собачки, впрочем, эту гадость находят, поэтому кунфушные снайперы охотятся первым делом на четвероногих братьев.

Вчера мина с инфракрасной донаводкой накрыла командира роты, старшего лейтенанта Каплина. Бронежилет спас ему жизнь. Если бы у нас еще были бронеплащи. А так Вовке Каплину остаток жизни придется прыгать на протезах, а стакан водки хватать железной рукой. Желаю ему жениться на богатой старушке, чтобы в протезах играли микропроцессоры, психоинтерфейсы и сервомеханизмы.

Короче, старлея в госпиталь, а меня поставили ротой командовать. Между прочим, в день моего рождения, 20 июня!

Но едва солдатики праздничный стол из пустого снарядного ящика смастачили, началась заваруха.

Я уж думал – крупномасштабная высадка кунфушников. Их самолеты по трое с разных сторон из-за облаков выныривают, шугают по нам кассетными бомбами с лазерным наведением и резко отваливают. Кунфушники с островка и мыса нас тоже в клещи огненные берут. Вертушка вражеская чуть ли не над головой висит и точную наводку артиллеристам делает лазерными «спицами».

Наша ПВО устраивает фейерверки где-то совсем в другой стороне, полковая артиллерия молчит, у меня разносит пулеметное гнездо и 105-миллиметровую безоткатную автоматическую пушку вместе с бетонным укреплением. Три трупа, пять раненых – все изрешечены осколками, иглами, места живого нет. Хорошо хоть, что раненых сумели быстро охладить, поставить динамические капельницы и отправить на БТР'е в госпиталь.

А на том бережку кунфушники в баржи десантные садятся, в дыму и собственного члена не видно, да еще ночь на носу.

Я комбату начал сигналить, чтобы наши реактивной артиллерией врезали пока не поздно, чтобы подкрепление прислали. А комбат словно в дерьмо опущенный. Устало отвечает

мне, что вражеские штурмовики уже разнесли батарею наших «Тайфунов», а подкреплений нет и не будет. Какие могут быть подкрепления, если в стране одни старые пердуны остались, у которых все валится из рук, рта и задницы, а все призывное юношество уехало пидорасить в нейтральные страны. Преувеличил комбат, ясное дело, однако его понять можно.

После такой "информации" только выбирай себе местечко помереть. Но комбат расстроил меня, а чудеса техники вновь настроили. Три экраноплана «Мир-2М» черными молниями пронеслись между нами и островом, шарах-шарах из термобарических огнеметов вакуумно-вихревыми зарядами.

В облаках тоже какое-то сияние началось, похоже там взрывались кунфушные штурмовики. А кто их атаковал, неясно – то ли наши перехватчики, то ли спутниковые рентгеновские лазеры, то ли и спутники и перехватчики вместе. Да еще удалось из ЗРУ «Игла-7» ссадить вертушку, которая на нас вражескую артиллерию наводила.

Дымный ковер стало относить посвежевшим ветерком в открытое море и в закатных сумерках прояснилось некоторое «запустение» на том бережке.

Одна баржа с кунфушниками, впрочем, до нас в потемках добралась, их солдатики прыг-прыг и допрыгали в полузатопленный пакгауз, где у нас второе отделение сидит.

Там резня пошла, стрельба в упор. Я пока вместе с первым отделением бежал на выручку, в пакгаузе уже все закончилось. Наши парни вовремя кунфушников заметили в инфравизоры. Так что у нас ни одного убитого, у них десятерых положили, остальных в плен взяли. Да еще все стены пакгауза человеческими внутренностями оказались заляпаны до потолка, стрельба-то шла из винтовок «Урал» объемными боезарядами.

От наступающих знамя осталось – с золотой звездой, как на баночках с лечебным бальзамом. Мы дефицитное полотно, конечно, на портянки пустили.

И, как завершающий аккорд всей вражеский атаки, в меня кунфушник пальнул. Не снайпер, а какой-то контуженный дуралей. Но я, как говорится, в бронежилете родился. Внутрь пуля не попала, только тряхнуло меня сильно и отшвырнуло на пару метров. Пока наши два отделения этого дурака испепеляли, я звезды перед глазами считал, галактики, вселенные. Но ничего, оклемался, встал, высморкался кровью и пошел дальше…

Когда сегодня после завтрака меня в штаб полка вызвали, я уж думал, что орден дадут – за то, что не наложил в штаны и все такое. Я по этому случаю побрился, помыл разные места, новый тельник одел.

Зря старался, в штабе мне сказали, что я командование роты резко сдаю лейтенанту Грабовскому, а сам отправлюсь по такому-то адресу.

Я сразу понял, что меня в органы вызывают. И мне это, конечно, не понравилось. Какие там мои делишки всплыли – поди догадайся. На гражданке, к примеру, мне приходилось пиратствовать по части фирменных компьютерных игр. Да и ротные друзья-товарищи могли парашу пустить: что я, дескать, шпион кунфушников и за щепоть анаши навожу вражеские самолеты на наши позиции. Мало ли я кому дорожку перебежал, я не полтинник, чтобы нравиться каждому.

Пусть и не по вкусу мне этот вызов, а мою испуганную личность уже джип поджидает и двое здоровенных сержантов с нашивками технической службы.

Ехали минимум час, на десяти блок-постах у нас документы проверяли. Но у сопровождающего (или конвоирующего?) сержанта чудесная чип-карточка была, проверяльщик сунет ее в свой сканер, да еще сержантский палец к сенсору приложит и уже через пять секунд салютует – счастливого пути.

Это нам не помещало разок под артиллерийский обстрел попасть; в тридцати метрах перед джипом вражеский снаряд раскурочил здоровенный КАМАЗ, а мне хоть хны – кому суждено в застенок попасть, тот легкой смертью не умрет.

Местом назначения оказался двухэтажный особнячок, ранее принадлежащий, наверное, члену городской администрации или бизнесмену. И вокруг-то благодать: зелень, розовые кусты, качели, газоны, аккуратные коттеджики. Особенных разрушений не видно, если не считать автомобильного моста на развилке с обвалившимся пролетом и супермаркета, превратившегося в кучу мусора после попадания одного единственного вакуумно-вихревого боезаряда.

Сквозь двери и контрольные ворота меня ввели внутрь особнячка. пришлось еще пистолет сдать и объяснять, что у меня на пятом ребре металлокерамический протектор стоит – после того как кунфушник угостил меня сапогом по бюсту. Объяснял минут пять, как будто мне очень надо.

Потом на лифте я вместе с сопровождающими вниз поехал. На удивление долго ехал. Этажей шесть, не меньше, в глубину. Просто небоскреб, который не в ту сторону построили.

И оказался я, в итоге, в каком-то бункере. Кругом мониторов, экранов, дисплеев – как грязи. Деки, экраны, модемы, сплиттеры, шифровалки, индикаторы, плетенье проводов и еще черт-те знает что в пластиковых коробочках. За полупрозрачной переборкой просматривается длинный белый стол и портрет нашего

руководителя.

Именно туда меня приводят, и я остаюсь наедине с двумя полковниками и одним генерал-полковником – монументальные такие мужики с орлиными профилями и квадратными подбородками (я их сразу бронзовыми представил). А до этого-то на меня мог обратить свое не слишком благосклонное внимание максимум невротик-майор.

– Лейтенант Тачиловский по вашему приказанию прибыл. – максимально бодро гаркнул я, хотя по телу у меня гуляли дрожь и неуверенность.

– Не шуми, садись, – мирно, но по-деловому отозвался генерал.

Все закурили, даже я – грех отказываться, если «Кэмел» предлагают – и один полковник стал мне вещать про тяжелое положение страны. Дескать, на всех фронтах напирают разнообразные враги, там душманы и турки, тут кунфушники. Причем кунфушники пока напирают только в десятую часть своей силы, всего три хунвейбинско-добровольческие дивизии. От союзников толку никакого. Да и в тылу змеюшник, полным полно пидорасов и прочих миротворцев, которые рады свою задницу любому супостату подставить.

– Недавно одному такому голубцу лично выложил два зуба, – верноподанно отрапортовал я. Это было правдой. Только двинул я этому пидору не из-за политики, а потому, что он девушкой претворялся и тряс передо мной своими силиконовыми сиськами. Ну, разве не грешно так над офицериком издеваться?

Другой полковник заговорил про то, что пора переломить ход военных действий с помощью новых технологий, которых у противника нет. И даже спросил мое мнение на этот счет. Это сейчас такая мода пошла – панибратство с подчиненными разводить – после того как выяснилось, что подчиненных едва ли не меньше, чем командиров.

– Абсолютно с вами согласен, – преданным густым голосом отозвался я. – Пора бы нам новую технологию применить. Говорят, что есть такие машины, внешне ничем не отличимые от баб – благодаря силикону и встроенному секс-процессору. Басурман на нее напрыгнет и тут сюрприз, у нее на месте давалки – печь-микроволновка. Это я шучу, товарищи офицеры, моя голова пока в порядке.

Генерал благодушно выслушивает меня и объявляет, что родина-мать дает мне ответственное задание – найти одного мощного биокибернетика в каком-то иностранном городе и доставить его к нам.

– Но разрешите доложить, товарищ генерал. Я обычный

армейский лейтенант, полгода тому как мобилизованный из запаса. Мне тридцать пять лет, ни рукопашным боем, ни стрельбой из экзотических видов оружия, ни дрессировкой вирусов, ни ядами и токсинами, ни микроаппаратурой не владею. Зачем я вам?

– У нас есть те, кто этим всем владеет, – вежливо объясняет генерал. – А мы найдем применение тем силам и умениям, которые у вас есть. Вы на гражданке кем были? Он щелкнул клавой и на дисплее появилось мое досье. – По образованию сетевой программист, полгода стажировки в корпорации «Диджитал Эквипмент», три года работали в Ростелекоме, еще три – как независимый специалист, выполняли контракты для многих известных организаций.

– Ну и что, товарищ генерал? Все равно меня мобилизовали и в окопы. Вначале на Севан бросили под турецкие танки, когда я умел только на кнопочки компьютерные жать, а потом сюда, в Приморье.

– Это нам тоже нравится. Закалились, умеете и на спусковой крючок надавить, пуль не боитесь, в трудных ситуациях действуете грамотно. И, надо полагать, программистской своей квалификации не растеряли. Вы – наш кадр, наш.

На этом общение с высшими силами заканчивается и меня два сержанта, можно сказать, под белы руки берут и еще на три этажа вниз спускают. Это ж какой-то бездонный колодец, а не подземный бункер!

И вот я соображаю, что в этой преисподней начинается новая моя жизнь. Это, конечно, хорошо, что я ни в чем не виноват и меня не собираются под трибунал отдавать, но с другой стороны, какой из меня на хрен разведчик? И сколько мне осталось новой жизни радоваться? Поди не разведчика из меня сделают, а подопытного кролика…

Сперва такое предположение находило весомые подтверждения.

По болезненно белому коридору сопровождающие (или конвоиры?) доставляют меня в помещение медицинского вида. Фельдшер (или гробовщик?) измеряет меня, а затем оказываюсь я в соседней операционной, где электрическое солнце отражается от различных никелированных поверхностей. Где пахнет химической гадостью и светятся экраны наблюдательных приборов.

Там пара военврачей без всяких объяснений укладывает меня на стол, и сестричка вкалывает анестезию. Это так быстро случилось, что я и сдрейфить не успел. Только успел заметить, как доктор в черных очках-мониторах подносит к моему горлу

ослепительный лазерный скальпель…

Когда я проснулся, уже в другом помещении, прошло, судя по настенной тикалке, два часа. Наркоз мне не слишком сильный дали, и я сразу понял, что потрошили меня не шибко, ничего полостного. В комнату не без стука вошел врач, уже в обычных очках, и стал любезно объяснять, что мне поставили кибернетические имплантаты в глазную впадину, в ухо, в горло и еще в запястье. Это-де для моего усовершенствования, ничего опасного.

Ага, так я тебе и поверил, очкастый вивисектор. Ты ж, если врать не будешь, отправишься во фронтовой госпиталь – в кровавой грязи купаться.

Впрочем, может доктор и не врет? В виде исключения.

Полчаса я еще отхожу от наркоза, наконец могу посмотреть в зеркало и увидеть пластыри из синтекожи на своей брови, за ухом, на горле и руке.

А потом появляется техник с погонами младшего лейтенанта и начинает проверять работу всех этих микрокибернетических устройств – с помощью пульта дистанционного управления! Словно я игрушка электрическая. Этот юнец лихо давит кнопочки и у него такой вид, словно он играет в какую-нибудь «Нинтендо-666».

А результат «баловства» такой. Как будто в воздухе передо мной возникают разные слова, числа, знаки, рисунки, всякая графика, словно живой прыгает мультяшный Микки Маус и лязгает челюстями динозавр.

Если я глаза закрываю – то все равно кажется, что они у меня открыты – никуда не деться от зубастой рептилии.

– Нет оснований для паники, – нарочитым басом говорит юнец, – это работают нейроконнекторы, подключенные к вашим глазным нервам.

И продолжает объяснять, что все эти картинки, в принудительном порядке, вливаемые мне в мозги, называются МИМИКАМИ. Или масками.

Слышу я еще какие-то трубные гласы, приказы, музыку – так отлаживаются нейроконнекторы, подсоединенные к слуховым моим нервам. Эти звуки тоже мимики, ненастоящие.

– Ладно, насчет нейроконнекторов я понял, не тупой. Но откуда идет информация?

Техник мне объясняет, что в запястье мне вживлен персональный коммуникатор, компер. Это все от него: и картинки, и звуковые сигналы. Поскольку он под кожей, то уже не потеряется.

Компер позволяет скрытную ближнюю связь поддерживать. С

помощью того киберимплантата, который у меня в горло вшит, я могу говорить, не раскрывая рта, на манер чревовещателей.

Компер позволяет обнаруживать в темноте и под водой разные объекты – тем же макаром, как это проделывают акулы: с помощью электрических полей, на расстоянии до десяти метров.

Моя кожа как проводник участвует и в приеме, и в передаче сигналов. И чем она грязнее, тем лучше – с точки зрения физики.

Компер мне подсадили, конечно, не ради Микки Мауса, а чтобы я секретно общался с командиром и товарищами, управлял оружием и чуял приближение коварного врага…

Ладно, разобрался, не балбес. У американцев это называется Personal Area Network или Near-Field Communication. А у нас, соответственно: система ближней связи. СБС.

Поучил меня техник как регулировать громкость, яркость, каналы связи и прочую мудянку. Все регуляторы суть призраки, видимые мне одному. Однако слушаются моих пальцев и «молча проговариваемых» команд.

Во время тренировки пару раз осечка вышла, и такой концерт начался в башке: рев, грохот, демоны огненные мелькают – если бы техник на помощь не прибежал, лежал бы уже на кладбище, цветочки снизу нюхал.

Все эти технические новинки меня, конечно, порадовали, но, с другой стороны, они работали внутри моего многострадального тела и не было никаких возможностей в них поковыряться…

В атмосфере сомнений сидел я в уютном буфете, где еще работала челюстями пара сосредоточенных майоров. Я не просто сидел, но и вкушал высококачественные продукты, которых полгода не видел. Сплошная роскошь, достойная уст лишь старших офицеров и генералов – икра, осетринка, стопочка водочки, огурчик. И никаких тебе бумажных тарелок и пластмассовых стаканчиков – все выдержано в национальном духе.

Самовар стоит, скатерки и занавески вышиты под Палех несколько модернизированными сказочными сюжетами – наш Иван Царевич с погонами лейтенанта отрывает яйца кунфушному Змею Горынычу, или что-то вроде это.

Наконец майоры дожевали и отвалили, но, чуть погодя, в буфет вошло трое – они странно смотрелись на фоне вышитых скатерок и самовара. Я почему-то сразу понял, что это мои новые боевые товарищи.

Есть такое явление, раньше оно называлось телепатией, а теперь квантовой когеренцией. Поэтому-то я и догадался, что явились они по мою душу.

Один из них был нарочито здоровенным детиной в полевой

форме, явно из разведроты какого-нибудь ДШБ[2]. Второй – малоприметный мужчинка, сморчок нарочито шпионского вида – для работы под столом – еще бы на него плащ до пят и шляпу напялить. И баба. Да-да, про русских радисток-пианисток-красавиц все знают. И эта была нарочито ослепительной рыжей красавицей в изумрудном платье. С ума сойти.

И вдруг на моих глазах сморчок вырастает в Петра Первого.

Я аж присел.

– Что за херня? Это что, цирк приехал?

– Никакая не херня, – отзывается бывший сморчок громовым голосом. – Просто через систему ближней связи я вам передаю маску, которая скрывает мой истинный облик.

Сказал и превратился в настоящую гориллу.

– Ладно, ладно, только не старайся так, – отозвался я в некотором раздражении от этого спектакля. В самом деле, вне зависимости от моего желания мне могут любую чихню по СБС передать. – А, кстати, можно все маски сбросить хотя бы на время? Иначе я нанесу ответный удар и прочитаю лекцию о благотворном воздействии кирзовых сапог на духовное развитие личности солдата.

Боевые товарищи пошли навстречу и еще раз преобразились. Горилла стала упитанным молодым мужчиной, что-то вроде коммерсанта средней руки. Детина из разведроты превратился в неформала: сутулый, худой, бритая башка, кольца в ушах и носу, какая-то власяница на скудном теле, по глазам видно, что курит и колется, физиономия расслабленная, благостная.

А женщина вышла из образа ослепительной красотки в изумрудном платье, хотя рыжей осталась. Чем напомнила мне о моей жене Риве. И до уродины ей было еще далеко. Но появилось в ее лице что-то расчетливое, жесткое и холодное. Что-то немецкое и устрашающее.

Мужчина-коммерсант представился:

– Гайстих. Капитан Гайстих. Именно так вы ко мне будете обращаться. Я ваш командир и вы обязаны исполнять любые мои приказы.

Неформал подошел, как-то криво улыбнулся и отвалил в сторонку, где стал скручивать папиросу.

– Меня зовут Майк, – назвался он, немного странно шевеля губами, словно говорил не по-русски. – Я специалист по всякой химии. Если надо будет, я помогу тебе умереть совершенно безболезненно, я бы даже сказал с кайфом.

– А вас как зовут? – спросил я у рыжей женщины. – Небось, Брунгильда Иогановна? Вы, наверное, помогаете умереть тяжело?

Она не сразу посмотрела в мою сторону, а потом сказала

резко, словно прокаркала.

– Меня зовут Камински, запомнили? Не Каминская, а Камински. Но в последнем пункте вы совершенно правы. Если я кем-то займусь, то мало ему не покажется.

– А тебя как кличут? – спросил Майк, глядя своими вываренными в химии глазами.

– Его зовут теперь Дима. Дима-программист. Он будет заниматься компьютерами, – представил меня Гайстих.

Пускай Дима-программист, без фамилии, без отчества, без воинского звания, без биографии. Все равно они никому неинтересны.

После того как сдохла моя кошка два года назад, жил я совершенно один. Никаких, конечно, детей. Если бы мы могли плодиться, размножаться и овладевать землей, разве бы кунфушники и душманы навалились бы на нас? Если бы могли жить без воплей и ругани, то разве моя рыжая жена Рива ушла бы от меня к первому проезжему индусу?

Я много чего предпринимал в жизни, сочинял музыку стиля psycho-tickle[3], лепил стихи типа «заборное хокку» – короче, искал себя. Но стишки и музычка кропаются тоннами на суперкомпьютерах в Калифорнии. Так что нашел я, в итоге? Херню в маринаде.

А программульками я занимался лишь ради того, чтоб прихватить деньжат – на хавку, на игрища. Едва я грошами разживусь, то вкалывать прекращаю и болтаюсь день-деньской во всяких MUDEO[4].

Так что я не особо возражал, когда раскрутилась эта война – после неудачного визита какой-то Бабы-Яги к какому-то Кощею Бессмертному – и меня забрили в армию. Иначе мне все равно превращаться в очередного компьютерного идиота с соплями до пола и тараканами по всей квартире – ввиду полного истощения моральных сил и материальных средств.

Кстати, про войну я заранее догадывался; у меня какой-то внутренний хренометр начал сигналить о неладном, когда остальные граждане еще пели, ели и веселились.

Как войне не прийти, если вокруг сплошные извращения естества? Трудящиеся думают не о труде, а о секс-туризме - одни только негры на всех пашут, домохозяйки мечтают выбиться в стриптизерки, бизнесмены норовят заделаться бизнесбэтменами, пидоры девушками, девушки мужиками, животные людьми, люди животными, в декларации прав прописалось право на засранство, судьи гладят по головке насильников и маньяков, пентагоновцы не могут отличить на экранах своих компьютеров настоящих человечков от игрушечных, душманы размножились до душноты,

а лидер кунфушников Дао Цянь предпочитает, чтобы все его называли дядюшка Дао. Да тут еще наши генералы-минералы зафитилили фугас покрупнее в душманского предводителя, а вместе с ним накрыло и команду турецких спецназовцев, переодетых футболистами.

Роль принципиального Гаврилы[5] сыграл сетевой макровирус, который был запущен неизвестным поганцем. Из-за него пентагоновцы приняли реальный мир за виртуальный и залпы виртуальных ракет поразили реальные цели в стране кунфушников.

Кунфушники и так были злы на Америку - за то, что отрезала их от африканских ресурсов, чтобы самой сосать их, как встарь. Поэтому быстро набили ей морду на Тихом Океане. А затем решили взять наши восточные территории под контроль, чтобы лучше обеспечить свой тыл перед решающей схваткой. Мы оказали кое-какое сопротивление, а американцы вместо того, чтобы с радостью кинуться к нам на помощь, подписали с председателем Дао Цянем перемирие. Наверное, у наглосаксов всё было рассчитано - натравить кунфушников на нас, как когда-то немцев, и "пусть они убивают друг друга как можно больше". Европейцы же вообще под кунфушников легли, чтобы те их не тронули. Так мы и воюем на два фронта, с одной стороны кунфушники, с другой союзные им душманы и турки…

И почему этот генерал выбрал меня, программист я далеко не самый блестящий. Может, есть еще один параметр, который стал определяющим? Например, такого как я, можно использовать, но и бросить не жалко. То есть, уничтожить, чтобы врагу не достался. И сделает это Майк или Камински – в зависимости от моих заслуг…

– Мы одна команда, – сказал капитан Гайстих. Он как будто услышал мои мысли; может, я их «проговорил» через горловой киберимплантат. – С задания должны вернуться все за исключением тех, кто погибнет.

И не тени улыбки на физиономии. Не нацепил ли он опять маску?

Из буфета мы прошли по коридору в комнату, несколько напоминающую аудиторию, но с пористым пластиком на стенах, и Гайстих стал излагать задание, вернее начальную его фазу.

Нас всех интересует один человек.

Биокибернетик по имени Раджнеш Ваджрасаттва живет и работает в Амстердаме. Этот человек очень важный, поскольку умеет создавать послушные управляемые молекулы с необходимыми свойствами – так называемых нанороботов. А город Амстердам «нейтральный», как, впрочем, и вся Европа. Это

означает, что кунфушники его контролируют, как и остальные крупные европейские города. У кунфушников есть и соответствующее соглашение с европейским правительством: мы вас, господа цивилизованные европейцы, не обидим, пейте-жуйте по-прежнему, но мы обязаны кое за чем следить – чтобы русские не использовали вашу промышленность и коммуникации для своих нужд.

Со стороны моря ни одна лодчонка не попадет в Амстердам без тщательного досмотра. Со стороны суши он блокирован полностью, в самом городе работает комендатура кунфушников совместно с местной полицией. Нас сбросят в заливчик Маркервард рядышком с городом, поплывем под водой, путь-дорога лежит через шлюз в один из доков. Ну и потом, через очистное сооружение мы попадем туда, где живет и работает судьбоносный ученый.

– Я плавать не люблю. А с аквалангом вообще никогда не приходилось. – пробормотал я и был услышан.

– И сейчас не придется, – отозвался Гайстих. – Акваланг пузырьки дает, шумы. Мы вообще не можем пользоваться внешней системой дыхания, она слишком громоздкая – а лазать надо будет по узким трубам.

– Как же без аквалангов-то? – У меня где-то под ложечкой появилось нехорошее предчувствие. – Я вам не человек-амфибия. И, если честно, я море первый раз в тридцать лет увидел. А до тридцати я плавал разве что в луже, где воды – воробушку по яйца.

– Вы будете лучше амфибии, – порадовал Гайстих. – Потому что для подводного плавания наше подразделение применяет дыхательный ионнообменный пакет. Он заполнит всю полость ваших легких и будет извлекать из воды кислород. – Да сколько ж кислороду этот пакет извлечет? – с сомнением, переходящим в тоску, отозвался я. Ну, точно, попал я в команду подопытных кроликов. – Может лучше жопой дышать?

А Гайстих знай себе долдонит:

– Возможно, кислорода будет и не хватать, особенно мышцам и мозгу, но это дело станет отслеживать ваш компер, чтобы при необходимости включать динамические капельницы с кислородсодержащим белком миоглобином-Н… Мы проведем еще и занятие по отработке так называемого минимального дыхания.

Я не удержался, прокомментировал:

– А если компер зависнет? Знаю я, какое сейчас «железо» и софт[6]. Это все кропают на живую соплю инвалиды войны по принципу «голова не варит, руки делают». Все толковые

программисты или на фронте, или давно дали деру в те теплые края, где нет призыва и которые на наших войнах наживаются… И придется из-за какого-то косорукого мудозвона мученическую смерть принимать.

– На этой войне нам никто не подбирает смерть по вкусу, – отреагировала Каминski. По-моему, и я ей не шибко по-вкусу пришелся.

– Конечно, конечно, – согласился я, – но я же не пошел в подводники.

– Не задохнешься, только позеленеешь слегка, – утешил Майк, пуская изо рта колечки дыма. – Но я, браток, угощу тебя Рапчером[7], от него будет легко и солнечно даже на морском дне. С русалками познакомишься.

– Пускай тебе одному эта вся радость достанется; говорят, перед смертью эрекция случается…

– Стоп, вояки, – сказал Гайстих и стало ясно, что действительно «стоп». У капитана имелся такой стальной звон в голосе, что, похоже, ему никогда не приходилось напрягать голосовые связки…

Мы пару часов прорабатывали тактику проникновения на объект, где работает доктор Раджнеш Ваджрасаттва. Объектом этим был научно-производственный объект корпорации «Юнилевер», у которой половина акций принадлежит каким-то азиатским фирмам. На комплексе много и азиатского персонала. Естественно, что половина этих азиатцев работает на кунфушную разведку.

Мимик объекта и его окрестностей словно висел перед нами в воздухе и мы совместными усилиями прочерчивали будущий маршрут. Если точнее высказывались все, а принимал окончательное решение Гайстих. При том капитан явно ориентировался на Майка, который как-будто знал, о чем говорил.

Лично я не лез на первый план, хоть, благодаря компьютерным играм, наблатыкался по части хождения по всяким лабиринтам.

В семь часов командир объявил перерыв до завтрашнего утра.

– Насколько я понимаю, времени у нас в обрез, стоит ли его терять зря? – засомневался я.

Гайстих подвалил ко мне поближе – пронзительные были гляделки у командира, не слишком приятные.

– Вы знаете, Дима, за что мы воюем?

– То есть как, за что… за все хорошее, – опешил я. Пересказывать ему что ли лабуду, которую нам втюхивают на политзанятиях? – За родину, ведь кунфушники и душманы

первыми на нас напали.

– Это не так уж и важно, кто на кого первым. Мы воюем за свои принципы. У них свои, у нас свои. Кто-то считает, что идеология или там рынок могут взять у человека все его время. А мы считаем, что хоть немного свободного времени мы должны человеку оставить. Усекли, Дима?

Сержант проводил меня до моей каморки. Голые стены, койка, унитаз – веселись, оттягивайся на здоровье, все свободное время – твое.

Ладно, улегся на спину, не снимая сапог, стал размышлять о хреновой жизни. Останется ли что-нибудь после меня или нет? Вроде бы душа или хотя бы карма, но с другой стороны – кому она нужна и что в ней такого особенного?

Пообщался со своим компером. Ничего шибко интересного в него не было заложено. Можно еще раз посмотреть на план объекта, на фотку биокибернетика, на карту города Амстердама, почитать воинский устав и последние газетные статьи – все тошнотворное. Можно было и поиграть в кое-какие «стрелялки-догонялки», но это мне уже осточертело на передовой. В системные тайники проникнуть не удалось; все программы, управляющие каналами СБС, были от меня спрятаны.

Через полчаса в дверь постучался Майк – вот те на, я уж думал, что все тут заперто и по коридору часовые строем вышагивают.

– Дурь употребляешь? – поинтересовался он.

Там, в роте, если бы ко мне малознакомый человек с таким бы предложением подвалил, я бы ему рожу начистил. А тут – почему нет? Мы и так уже на дне стометровой ямы.

Майк выудил из кармана гильзу и папиросную бумагу.

– Позволь, Дима, я скручу и тебе, рецепт фирменный.

Он умело насыпал крошево из гильзы в две бумажки, слепил самокрутки и мы закурили.

Похоже было на марихуану с добавкой каннабинола[8]. Хэш оказался забористым. Майк вдруг стал зыбким, завибрировал, даже поплыл как-то. Может он опять мне мимик втюхивает?

Я быстро проверил каналы СБС своего компера – вроде все закрыты. Ладно, будем считать, что это дурь подействовала, хотя и спросить не вредно.

– Эй, Майк, ты чего поплыл?

– Я поплыл?

– Ну да, как туалетная бумага после того как спустишь воду.

– Да ты наблюдательный, браток.

Стало смешно, Майк расплывался, уплощался, рвался, камера тоже будто проливалась слюнями. Все стало колебаться и рябить

как морская поверхность при легком ветерке. Первое тошнотное ощущение прошло и стало ничего себе.

В комнату постучались.

– Кто там? – спросил я без особого интереса. Меня уже не очень интересовало и кто я сам такой.

– А хоть председатель Дао Цянь. Пусть заходит, – отозвался Майк, у которого на роже намертво застыла улыбочка.

В каморке вместо вождя кунфушников появилась Камински – она была в форменной майке, пятнистых армейских штанах и босоножках без задников. Лицо ее утратило-таки значительную часть зловещности.

Разведчица стала что-то лопотать насчет шума, но Майк достал пипетку и закапал ей в глаз очередную дурь. Кажется, это дело называется Dream Drops. На мое удивление строгая женщина не отказалась.

И правильно сделала, потому что ее тоже развезло. А потом, меня не спрашивая, открылся один из каналов СБС и в моей черепной коробке зазвучала музычка. Psycho-tickle, психо-тик, психощекотка. У моих знакомых должно быть тоже включилась мимик-музыка, поэтому мы стали выделывать какие-то согласованные коленца.

А затем еще вдыхали и выдыхали дымок от хэша через трубчатые ножки кровати.

Майк вдруг сказал, что сходит за какой-то суперотвязной травкой и просто просочился сквозь стену. Я остался с Камински наедине. Стало на секунду неловко, но она предложила сыграть в карты на раздевание.

Камински протянула ко мне канал СБС и как будто прямо в воздухе карты-мимики возникли – видимо, запас игр у рыжей разведчицы был побольше, чем у меня. Ну и понеслось.

Поскольку я соображал совсем хреново, то вскоре остался в одних трусах, а Камински предстояло сделать только первый шаг в раздевании. Она могла скинуть туфлю, но разведчица пошла ва-банк и сдернула майку. Под майкой у нее ничего не имелось, если не считать груди – хорошей, крепкой. Даже после этого Камински, в целом, сохраняла вид аскетичный и достаточно свирепый.

Я спросил у нее, колют ли ей мужские гормоны для пущей агрессивности. Она ответила, что принимает иногда негормональные средства, которые действуют не прямо на половые органы, а на сам гипоталамус[9]. Поэтому когда нормальной женщине хочется потрахаться, ей желается кого-нибудь убить. То есть, желание потрахаться мгновенно перерастает в желание применить силу. И когда она убивает кого-

нибудь, то получает удовлетворение – сочетая, таким образом приятное с полезным.

– Надеюсь, тебе сейчас не хочется потрахаться, – высказался я, чувствуя все большую неуверенность от соседства с полуобнаженной машиной для убийства.

Потом она встала, а я вздрогнул и инстинктивно задержал дыхание, но, заметив, что она собралась куда-то пойти без майки, выдохнул с облегчением.

Однако, проходя мимо, Камински качнулась и завалилась на меня.

Я машинально подставил все свои объятия, чтоб она не ударилась и не рассвирепела. Но сперва она все равно собиралась убить меня, даже врезала в челюсть, я уже стал прощаться с жизнью, но каким-то чудом Камински вернулась более-менее в нормальное русло.

Она резким движением сорвала свои штаны и швырнула их как гранату в угол, затем вытащила мою мужскую принадлежность так решительно, что я опять испугался – не оторвет ли. Усевшись на нее, Камински резво поскакала в неведомые дали.

Наверное, от хэша я настолько прибалдел, что по ходу дела и женщины-то почти не видел. Только сладкая змейка скользила где-то в низу живота и по позвоночнику. А потом и низ живота, и позвоночник, пульсируя, потекли из меня, чтобы обрушится в конце концов водопадом.

Из-за этого «падения» я как-то автоматически перешел в состояние мертвецкого сна.

Проснулся на полу от громыхания будильника. Помахал рукой, чтобы отключить. Не вышло. Ах да, это же мимик.

В голове не сразу все состыковалось, сперва я только помнил, что у меня появились новые друзья – Майк и дама, как ее, Карпински… Камински. Черт, были они тут вчера или не были? Под койкой валяется женская туфелька без задника, значит дама точно была. А может эта дама была не Камински? Или Камински вовсе не дама, а какая-то роботесса?

Я, пошатываясь, встал, едва успел майку заправить в штаны и медальон перевесить с уха на шею, как в дверь забарабанил сержант и потащил меня на занятия.

С шести до двенадцати шли сплошные тренировки. Стрельба в потемках, в тумане, в дыму и вони, по выскакивающим и выползающим мишеням. Стрельба из пистолета, штурмовой беспатронной винтовки, из автоматического гранатомета, даже из термобарического огнемета. Стрельба примитивными иглокассетами и стрельба «умными» ракетами.

Оружие подключалось через нейроконнекторы к моим зрительным нервам, то есть мимик прицела висел в воздухе, как крест с картины Дали. А целеуказатель лепился светящися контуром к цели на манер нимба. Направляя оружие на цель, совмещаешь крест с нимбом, ну и жмешь на спусковой крючок. Промазать трудно.

В числе целей были: солдаты, танки, самолеты, председатель кунфушников Дао Цянь со своей вечной дебильной улыбочкой (тоже что ли «травку» курит?), а также похожий на мумию душманский заправила, чье имя я никак не могу запомнить, нынешний отец всех турков с усами до трусов, ну и американская президентша мисс Чичолоне, которая нас предала и обманула. (Писали, что она многих обманула и десять лет назад, когда изменила пол и цвет кожи на более демократический – смуглый.)

Однако в числе целей выскакивали еще бабушка с козой и дедушка с баяном, которых надо было пощадить. Я, впрочем, не удержался и козу один разок завалил.

Все это происходило под землей, в огромной стрелковом зале, где имелись скрытые голографические проекторы, множество тросиков и рельсиков, по которым катались цели. Но никого из членов моей группы я не видел. Уж не коллективно ли пригрезились они мне вчера?

После получасового обеда, состоящего из сплошных деликатесов – одни крабы в салате чего стоят – снова тренировки на шесть часов. Ориентация в лабиринтах и руинах, в заполненных водой тоннелях (были тут и такие) – с помощью спутниковой навигационной системы, которая умещались в спичечный коробок; и с помощью минироботов-следопытов, которые были похожи на улиток и жуков, но просвечивали окрестности ультразвуком и электрополями.

Затем прекрасный ужин, на который было отведено жалкие четверть часа – хоть за щеку деликатесы закладывай – и снова трехчасовая тренировка.

Прогулка по собственному телу и его окрестностям, работа с компером, тренировка с инфравизором, который мне нацепили на бровь, с нейроконнекторами, проверка ближней связи через стенку и в воде, работа с СБС по разным протоколам[10], в том числе принятым у противника и нейтралов. Еще и медицинские тренировки с динамическими капельницами и внутренними датчиками, два из которых я проглотил, а остальные были прилеплены на мои пульсы. Насколько я понял, проглоченные датчики должны были путешествовать в моем организме на манер глистов.

В десять часов вечера я уже пребывал в полной прострации и

был уверен только в одном: столь интенсивные учения долго не продлятся. Завтра-послезавтра – в бой. Из меня делают какую-то одноразовую скороспелку.

Я лежал на койке, не в силах скинуть сапоги и более того, не в состоянии спать. В этот вечер я не увидел ни Камински, ни Майка.

Только заглянул Гайстих. Я лежал на койке, полуприкрыв глаза, а он вдруг возник рядом – я даже не слышал, как скрипнула дверь.

– Неужели вы думаете, что из меня за пару дней можно сделать аса военной разведки – у меня ж еще молоко на усах не обсохло. Или у вас совсем другие расчеты, товарищ командир? – сразу атаковал я.

– Дима, не придавайте особого значения всяким тренировкам, – мирно отозвался Гайстих. – Это все – говно. Они добавляют какие-нибудь один-два процента к шансам группы на успех и не более трех процентов к вашим индивидуальным шансам. И вообще не нервничайте. Вы должны быть азартным, у вас должна быть воля к победе, но не перегревайтесь, относитесь к этому… ну как к игре типа MUDEO.

– Но у меня нет пяти жизней, как у любого приличного игрового персонажа.

– А вы не воспринимайте себя как игровой персонаж, вы – игрок, Дима.

Он наговорил много еще вдохновляющего на тему «призрачно все в этом мире бушующем» и ушел, а я стал переваривать его слова. Так и не переварил. Даже уколол себя иголкой, не в ВР[11] ли я случаем. Нет, в самой настоящей твердой и колкой реальности.

На следующий день, впрочем, я действительно проснулся куда более бодрым и настроенным поиграть; вместо вчерашнего упадка сил наступил уже припадок. Бодрость, азарт и все такое. Но тут и начался настоящий кошмар.

А именно тренировка по подводному дыханию.

Я сразу согласился со Гайстихом: без такой тренировки можно обойтись, и испытать все эти муки лишь один раз – уже на задании.

В тренировке участвовал помимо меня еще сам капитан Гайстих, Майк и какой-то ражий солдатик, похожий на повара – но на самом деле фельдшер. А началось все возле небольшого бассейна, такие еще в солидных парных банях имеются – со студеной водой.

Майк мне поднес какую-то пастилку, я разжевал ее и минут через пять мое горло охладело и окаменело. Еще минуты через

три мне стало труднее дышать.

– Расслабься, – посоветовал Майк, – не дрейфь и не форсируй дыхалку за счет страха. Ты уже перешел на минимальное дыхание. Раз и все. Благодаря химии, кураресу, это произошло за десять минут. Можно продолжать?

– Ну, давай, давай, не тяни.

Фельдшер надел мне какой-то намордник с мундштуком – теперь я уже не мог сжать зубы и закусить удила. От намордника тянулось десяток трубок и проводов к щиту на стене. Затем Гайстих нажал кнопку.

В дыхательное горло мне вошла трубка и извергла в легкие какую-то дрянь. Я стал немедленно помирать из-за удушья и конвульсий в грудной клетке.

Эх, не дожил – не дожевал, пропадаю из-за каких-то долбанных экспериментов! Ради того, чтоб помучить, меня и заманили на эту чертову дачу.

Напоследок я еще хотел вмазать фельдшеру, но он уже скрутил мне руки и накинул на них пластиковые наручники.

Пот, жар, холод, сопли, блевота, спазмы, бульканья, плеск. А через компер мне в башку влетают еще какие-то индийские заклинания. ОМ МАНЕ ПАДМЕ ХУМ. ОМ. ХУМ. Ом – драгоценность в лотосе. Ооооом!

В итоге я наполовину отключился и только через пять минут понял, что жив, в смысле функционирую и как-то даже дышу.

Я в воде, в этом самом бассейне с головой, и я дышу. То есть я фактически не дышу, то тем не менее живу и даже немножко соображаю.

В воду опустилась рука – для рукопожатия. И вместо того, чтобы утопить кого-нибудь из этих садистов и насладиться чужими конвульсиями, я пожал ее.

Я все-таки мужик и стерпел все это дерьмо! И я хочу победить. Примерно такие мысли из рекламных клипов закрутились в моей сильно опустевшей голове.

Минут двадцать я себя чувствовал в общем-то ничего, ощущал, правда, некоторую тяжесть и жжение в грудной клетке, но шевелил руками и ногами, даже поплавал немного.

Через полчаса опять похреновело, конечности принялись коченеть, в легких возникло словно бы разрывное напряжение, ну и Гайстих поманил меня наружу.

На воздухе сделалось совсем паршиво, то есть удушье и все такое. Я как-то не думал, что эта дрянь повторится вновь.

Фельдшер натянул мне намордник с мундштуком, в горло опять влезла труба и под мои конвульсии стала вытягивать ионнообменный пакет вместе с водой.

Пять минут борьбы за жизнь, и я снова выжил. Но уже никогда больше не дышал глубоко.

– Поздравляю с возвращением к водному образу жизни, Дима. Мы тебе тут и невесту с хвостом присмотрели. Красивая такая, чешуя серебристая и триста зубов… – сказал Майк и получил от меня по физиономии. Больше было некому выписать. Кажется, он был готов к этому и не особо возражал.

После обеда я напрасно ожидал продолжения тренировок, ничего такого не случилось. Я покемарил пару часов в своей койке, а потом начались главные чудеса.

С помощью нейроконнекторов возник мимик руки и загадочно поманил меня из камеры, затем провел по коридору и «втолкнул» в помещение вполне цивильного вида, напоминающее логово какого-нибудь фраера: куча одежды разбросана, зеркала, светильники разные.

Вся компания была уже в сборе.

– Переодевайтесь, – приказал Гайстих.

Мимик-рука указала мне на сильно вызывающий наряд. Велюровые штаны клеш, пестрая рубаха, узкий галстук, зеленый просторный пиджак с завернутыми рукавами.

Мне так уже остохерело мое хаки-каки, что я с удовольствием сбросил его и напялил это дурацкое барахло. Еще даже покрутился перед зеркалом.

Камински переодевалась вместе с нами, практически не отворачиваясь. Несмотря на женскую привлекательность округлой попки и выпуклого бюста, она сочилась такой холодной хищной сосредоточенностью – ни дать ни взять волчица перед охотой – что во мне ни один член не шевельнулся. Кстати, оделась «волчица» в узкое длинное платье с довольно приличным разрезом.

Майк облачился в шмотье богатого глюкомана: широкие белые портки, длинный полупиджак-полукамзол и ретро-рубаха без воротника.

А Гайстиху переодеваться не пришлось – он и так уже был в элегантном английском костюме.

После этого мы сели в лифт, поднялись наверх, в особнячок, вышли во двор, обрамленный розами, и под равнодушные взгляды солдат – я бы на их месте удивился – сели в бронетранспортер и куда-то покатили. Трое плейбоев и шикарная дама в БТР – это смотрелось классно.

С БТР'а мы на каком-то пустыре, оставшемся от раскуроченного магазина, пересели на военно-транспортный вертолет. С него, уже на аэродромчике, замаскированном под капустную грядку, на одномоторную «Цесну». А с нее, в большом

приличном аэропорту – это был, кстати, Бангкок – на аэробус А-400.

В бангкокском аэропорту цвела и пахла нормальная гражданская жизнь. Бары, банки, аттракционы, тайские девушки в мини – ножки тоненькие как палочки; и толпы расслабленных туристов из нейтральных стран. В основном, европейцы, всякие там толстомясые немцы, шведы, голландцы, англичане. Ну, наверное, их было сейчас меньше, чем до войны, но все равно это производило противное впечатление. И вызывало негативные эмоции.

Откормленные бугаи-туристы реготали и тискали тайских девочек, обвешивали себя девочками словно цветочными гирляндами, в то время как русские парнишки, тощие и низкорослые, воевали и умирали за европейскую цивилизацию. По-крайней мере, так им вещали пропагандисты.

Честно говоря, будь у меня под рукой граната, рванул бы чеку, не задумываясь. А потом я подумал, что эти холеные и толстожопые – они ведь на самом деле трупаки. Эти «якобы-живые» мертвее наших убитых парней. Эти европейцы мертвы настолько, насколько мертвы кучи дерьма, обсиженные мухами…

В аэробусе мы изображали из себя совершенно незнакомых людей, Гайстих и Майк сидели где-то впереди – я их даже не видел. А Камински я замечал краем глаза, она все разговаривала со свои соседом, пожилым господином немецкой наружности. Меня же окружали бодрые скандинавские старушки, радостно сияющие вставными челюстями. Среди них имелся один пенсионерчик – живые мощи – который, по-моему, уже в памперсы гадил, и челюсти у него были автоматические, но сиял он больше других. Наверняка у этих «мощей» еще стоял хер торчком – благодаря крутым афродизиакам. Поэтому пенсионер и тащил из Таиланда молодую жену, чей размер был немногим больше, чем у куклы Барби.

Самолет спустя шесть часов приземлился в Вене, городе традиционных встреч и разлук шпионов разных стран.

Каждый из нас по-отдельности добрался до отеля «Европа», располагавшегося неподалеку от аэропорта. Я взял номер и, решив вести себя естественно, отправился в бар – слава небесам, начальство не забыло выделить мне полсотни зеленых. Впрочем, отельный бар оказался совершенно стерильным местом, где в одиночку принимали свои сто-двести грамм редкие командировочные бизнесмены. Никаких тебе стриптизов и ночных пташек.

Я погружался за стойкой в прелести «Чинзано» со льдом, когда рядом со мной появилась Камински. Она продолжала

изображать совершенно незнакомую деловую даму, так что я продолжал действовать в том же естественном стиле и «познакомился» с ней, используя свои познания в сетевом английском. А что, бизнес-леди разные бывают и некоторые не прочь скоротать темное время суток с проезжим молодцом.

Вначале ее реплики на английском с немецким акцентом были вполне вежливыми, но равнодушными, но потом она стала изображать некоторый женский интерес. Кончилось тем, что она коснулась моей ладони и передо мной виртуально зажглись слова: «Пошли ко мне в номер, кретин».

Мы поднялись к ней в номер и там я, первым делом, увидел труп кельнера, привольно раскинувшийся на пушистом ковре. Из дырочки в его лбу вылез небольшой кровавый сгусток.

Камински сказала по СБС:

«Тут все прослушивается, поэтому вслух только ерунду. Кельнер – человек кунфушников, поэтому пришлось его грохнуть. У него в районе гиппокампа[12] управляющий киберимплантат. Да еще и бронежилет под рубахой. Помоги-ка убрать эту тухлятину.»

Не знаю как насчет гиппокампа, но у кельнера в палец было вживлено устройство, напоминающее стрекательный аппарат медузы – капсула, выбрасывающая длинную полужесткую иглу, с ядом наверное. И бронежилет в самом деле имелся, что, конечно, не помогло вражескому агенту при встрече с Камински.

Бой-баба включила телек, чтобы замаскировать шумы. Я открыл окно и швырнул подальше одежду кельнера. Затем мы уложили трупака в ванную, туда моя дама налила горячую воду, ну и посыпала ее каким-то порошком. Вода на глазах стала бурлить, словно суп в котелке. Уже через пять минут от кельнера осталась где-то половина и он продолжал растворяться в прежнем бодром духе.

Мы вернулись в комнату, осмотрелись. На ковре никаких следов – пуля, как и полагается при пистолетном калибре 5,45 миллиметров, осталась в черепе.

Закончив осмотр, Камински толкнула меня на желеобразный матрас и без долгих разговоров стала сдергивать с меня штаны. Вслух говорила она только нелепые фразы типа: «Jetzt lecke ich dich, mein Suesser»[13]. Впрочем далеко мы не зашли, потому что в комнату влетела большая муха и тут же упала на кровать, отчего сразу стала ясно, что это миниробот. Камински взяла искусственную муху в левую руку, а потом правой дотронулась до моего… короче, открывая канал СБС, она заодно пошутила.

Передо мной появилась призывная строка-мимик:

«Всем срочно на крышу. Гайстих.»

Я спешно натянул свои велюровые штаны-клеш и мы

благопристойно вышли в коридор. Прошествовали мимо приторно-улыбающейся горничной, на лифте доехали до последнего этажа, оттуда по маленькой лесенке пробрались к чердаку. Камински выдавила какую-то металлорганическую пасту в замочную скважину чердачной двери, полминуты спустя замок хрупнул и дверь открылась.

С чердака через слуховое оконце мы двинули на крышу отеля. а Гайстих и Майк уже болтались там. Небо было ночное и облачное, мгла непроглядная, но я видел контуры товарищей по борьбе – ведь мой компер воспринимал их электрические поля.

Неожиданно сверху упал трос, щелкнув меня по затылку. Я не слышал звука лопастей, но очевидно там, наверху, висел какой-то бесшумный вертолет.

Трос на конце имел хилые с виду крепления размером с бельевые прищепки. Я с большим сомнением защелкнул их на поясе, сделал рукой отмашку и за минуту влетел на высоту где-то километр, потеряв из-за инерционных воздействий шикарные ботинки.

На этой высоте над Веной действительно висел аппарат, слабо похожий на классический вертолет, скорее уже что-то вроде летающей тарелки – черный плоский, два поворотных ротора в специальных ободах-шумогасителях.

И я, бросив взгляд на подсвеченный лампочками собор святого Стефана, пролез в вертолетную кабину.

В полете мы еще раз переоделись. Камински стянула свое узкое длинное платье, напомнив мне о змее, сбрасывающей старую кожу. Все мы надели спортивные шмотки – шорты, футболки, кеды, а сверху гидрокостюмы и плоские ранцы с кое-каким «инвентарем»: складным оружием и всякой аппаратурой. Перекинулись еще в виртуальные картишки для расслабления.

Потом Гайстих «повесил» в воздухе план-мимик объекта «Юнилевер» и прилегающих к нему акватории и территории. Снова обозначил на нем предстоящий маршрут. Я только тут осознал, какой он схематичный, спрямленный – словно мы на трамвае будем ехать.

Хочешь – не хочешь, но зажглась красная панель и наша летающая тарелка стала быстро снижаться, отчего мои внутренности пытались все время выйти наружу и поздороваться со мной лично. Однако это было милым пустяком по сравнению с той мукой, которую пришлось стерпеть пару минут спустя.

Через намордник я получил в легкие ту самую гадость – ионнообменный пакет. И сразу я ухватил много других острых ощущений. Раскрылась дверь и чьи-то добрые сильные руки, прицепив ко мне трос, сбросили со стометровой высоты.

Я не особо успевал отреагировать мозгами на удары воздуха, на натяжение троса, на воду, которая встретила меня внизу и была едва ли нежнее, чем булыжная мостовая. Я просто превратился в в кусок дерьма. Однако мне поспособствовала долгая закалка на разных аттракционах, крутящихся, вертящихся, прыгающих – так что я сумел сгруппироваться перед тем как воткнуться в воду.

Превратности падения сыграли и положительную роль, я почти не думал о дыхании. Так что, когда я очутился в Северном море, если точнее под водой в заливчике Маркервард, то задышал почти автоматически.

А Гайстих свалился в море вместе с забавной штукой – ихтиомотоциклом, у которого имелись активно дрыгающиеся плавники.

Он держался за свой ихтиомотоцикл, я хватался за его ноги, Майк за мои, и так далее. Получалось что-то вроде рыбного косяка.

У Гайстиха был активный сонар на ихтиомотоцикле, у меня только инфравизор и электросенсор. И морские обитатели, и дно давали слабый контраст, но благодаря информации сонара, полученной по СБС и выведенной в виде мимиков, я мог ознакомиться с подводным царством.

Я видел координатную сетку, рельеф дна, указатели расстояний, контуры крупных рыб, короче весь «скелет» местности – как в компьютерной игре.

Компер, связанный с прибором спутниковой навигации, усердно показывал мимик спланированного маршрута – в виде алой путеводной нити. И поначалу мы, в основном, придерживались этой трассы.

Но минут через двадцать мы стали замедляться, петлять и прижиматься ко дну. Само дно из естественного состояния перешло в ранг подводной свалки. Изъеденные коррозией бочки, трубы, арматура, остовы небольших судов, презервативы, пакеты, бутылки, даже обломки легковых машин.

Здесь в любой момент можно было напороться пузом на кривую зазубренную железяку.

Потом мы и вовсе забились как камбалы под какой-то строительный мусор. Предупреждающие мимики замаячили в разных местах этой свалки – компер обвел контурами детекторы, реагирующие на возмущения электрического поля и шумы. Ну, порасставили всяких «жучков» господа нейтралы! А может это сами кунфушники постарались. Наверное, некоторые из этих детекторов соединялись с детонаторами подводных мин.

Мы бросили к черту ихтиомотоцикл и стали продираться

через настоящие заросли металлолома. Теперь я уже мог согласиться, что аквалангн нам бы сильно помешали.

Да, виртуальная трасса была перед глазами, но она давала общее направление, не принимая во внимание всякие частности вроде рваного металла и мин. Однако Гайстих как-то ориентировался в этих джунглях. Мы благополучно преодолели сеть из оптоволоконных нитей с узелками-детекторами, после чего я вдруг увидел неподалеку от себя движущуюся, грязную, ржавую, обсиженную ракушками стенку. Вот зараза, это же борт судна.

Мы все прилепились к ней с помощью липучек на наших гидрокостюмных перчатках и дальше поплыли зайцами.

Судно вошло в какой-то канал – я увидел еще одну стенку, на этот раз действительно неподвижную. Потом, судя по сильной тряске и облакам пузырьков, судовой винт сделал реверс. Три минуты корпус трясся как малярийный больной. А когда судно замерло, вода вдруг стала настойчиво давить на меня своим мягким, но мощным телом.

Мы, похоже, шлюзовались вместе с судном. Подводное время очень относительное, особенно в моем состоянии, когда в полную силу работало едва ли десять процентов мозга. Я, конечно, видел мимик хронометра, но мне показалась, что прошла целая Мезозойская эра прежде, чем мы снова двинулись вперед.

Мимо проплывали мимо стенок пирсов и причалов, изгрызенных водой, похожих на руины затонувших городов. Я плавно задумался о судьбе Атлантиды, Лемурии и других благополучно исчезнувших цивилизаций. Много ли останется от нашей? Наверное, только такие изъеденные водой стенки на дне морском. Неожиданно я различил перед собой лицо Гайстиха и, поначалу даже не узнав его, прилично струхнул.

Он коснулся моей ладони, иначе канал СБС не сработал бы в воде.

«Отлепитесь наконец, что вы как ракушка – мы же почти у цели.»

Я как можно сильнее оттолкнулся от борта судна и, когда турбулентности со всеми пузырьками перестали затмевать взор, увидел, что оказался вместе с товарищами перед двумя трубами, вылезающими из потрепанной причальной стенки и тут же обрывающимися.

Это были те самые входы-выходы в очистную систему комплекса «Юнилевер». Однако ни одна из них не внушала доверия. Первая активно испражняла какую-то желто-зеленую дрисню. Мы направились во вторую трубу, которая вела себя поспокойнее.

Десять минут мы ползли по ней с помощью все тех же липучек на ладонях и в итоге сделалось жутко. Труба была тесной и склизкой как кишка и твердой словно гроб. Я стал снова ощущать нарастающее удушье, наверное, уровень кислорода в тутошней дерьмовой воде был куда ниже необходимых процентов, зато в ней кишмя кишело всякими токсинами. Кроме того, в предыдущие тридцать пять лет своей жизни я как-то привык к просторам, в моей комнате даже шкафов не было.

И я замандражировал. Мне показалось, что если я не выберусь срочно из этой трубы, то непременно задохнусь в блевоте и конвульсиях. Легкие уже начало спазмировать. Лучше бы меня разнесло бы снарядом, миной, прошило бы очередью, только не эта гнусное загибание, взывал я к высшим силам.

Но выбраться отсюда смог бы только узкий червеобразный организм – впереди еле-еле двигался Гайстих, сзади подпирал Майк. Впрочем, тот передавал мне по СБС:

«Дима, только не психуй. Уровень кислорода в твоих тканях вполне достаточный. Капельницы фурычат в нормальном автоматическом режиме, прыскают миоглобином-Н…»

Наверное, на несколько минут я поверил ему, подуспокоился и вроде как с дыхалкой стало получше. Но потом на меня наплыл какой-пузырь, а Гайстих, странно дернувшись, застыл. На мои вопросы по СБС он тоже не откликался.

Похоже, командир вышел из игры в самый неподходящий момент и заодно запер проход.

Кто-нибудь на свете придумывал более полную безнадегу!?

Но когда я уловил, что Майк и Камински тоже это осознали, мне полегчало. Они так же задрейфили как и я. Значит, можно и потерпеть.

«Камински и Майк, сдайте назад… еще полметра… еще полметра.»

Они поняли, что я сделаю, и они как будто со мной соглашались. Я направил на мертвого (надеюсь, он был трупом) Гайстиха ствол своей подводной штурмовой винтовки. И выстрелил. Я бы выстрелил, даже если бы он был живехонек. Благородство – это для других ситуаций, когда можешь перед смертью нормально вздохнуть.

По мне ударило как молотком по пробке. А потом, наоборот, мощно потянуло вперед сквозь какое-то теплое месиво. Что-то похожее на человеческую ступню скользнуло по моей щеке. Не знаю, потерял ли я сознание или что-то вроде того, но только, когда мой взгляд сфокусировался, было уже совсем другое место и другой режим дыхания.

Под черепной крышкой звенели как железяки слова-мимики:

«… Стимуляция кортекса мускарином, дефицит кислорода в тканях 15%, сахара – 10%, введено три кубика глюкозы, кубик антидота АТ65…»

Я более-менее дышал, компер получал информацию от датчиков, тестировавших мой злополучный организм, и давал команды на необходимые инъекции динамическим капельницам. Ионнообменный пакет был из моих легких уже высосан.

Надо мной появилось хмурое, но боевитое лицо Камински.

– Гайстих попал под закрывающийся затвор фильтра, ему сразу полчерепа снесло. Без этой половины, сам понимаешь, совсем невесело. А ты когда выстрелил, то и командирский труп, и фильтр заодно разнес. Так что нас всех подбросило гейзером на десять метров – и прямо в отстойник.

Я выплюнул кровь и остатки блевотины изо рта. О Гайстихе не хотелось думать – человек погиб, как и полагается настоящему герою, в полном дерьме.

Да, мы явно оказались в отстойнике. Цилиндрическая емкость, забитая грязью. И перегороженная горизонтальными решетками, на которых мы расположились.

Майк сейчас управлял минироботом-зондом. Тот был похож на улитку с длинным хвостиком. Хвостик-проводок заканчивался на пальце у Майка.

Улитка заползла в дыру и двинулась по трубе, прощупывая все вокруг ультразвуком и электрополями.

По СБС я стал получать картину зондирования.

К отстойнику подходили трубы, через которые протиснулась бы в лучшем случае худая крыса. Но выше цистерны было перекрытие и самый настоящий коридор.

– Будем пробивать здесь, – Майк показал на свод.

Мне эта задумка не шибко понравилось. Я ведь старый MUD-игрок и всякие там подземелья – это мой профиль.

– Здесь какой-то вид неустойчивый, рванем и нам на голову свалится десять тонн грунта. Потом мозги из трусов выгребай… Мне сдается, что лучше там, – я показал в противоположный угол.

– Я согласна с Димой, – Камински вдруг поддержала мое мнение.

– Да ради Бога, – отозвался Майк, демонстрируя, что ему все пофиг. – Особой разницы нет.

Я прилепил к своду батончик взрывчатки, затем воткнул в него иголку взрывателя и раздавил крохотную ампулку. Мы отгребли к другому концу цистерны, где было жижи по грудь. Через двадцать секунд рвануло, нам на голову свалилась увесистая решетка и всю цистерну затянуло гнусным удушливым дымом.

Из получившейся дыры сыпался грунт и щебень – со звуками противными, ну, прямо как из огромной задницы. Сыпался, валился и не собирался останавливаться. Уже наверное треть цистерны была им завалена. Жижи нам стало по горло.

– Ну что, морской глаз, – тявкнул Майк, впервые показав обиду, – ошибочка в расчетах?

Когда я готов был согласиться, излияние говна прекратилось. Мы выгребли из жижи и по насыпи рванули на выход. Если точнее, в образовавшийся лаз вначале послали сканирующего миниробота, а когда проверка показала отсутствие детекторов, тогда уже рванули.

И вскоре оказались в сумрачном коридоре. Это могло быть научно-производственным объектом корпорации «Юнилевер».

Согласно плану-мимику, виртуально висевшему перед глазами, на нижних уровнях объекта находятся цеха по промышленному разведению рыбы, моллюсков и тому подобного съестного дерьма. (Сейчас, кстати, азиаты кругом рыбозаводов понастроили – в первую очередь, чтоб кормить своих, которых полно в каждом европейском городе. А что – правильно, о своих заботиться надо.) А на верхних уровнях располагаются лаборатории, которые заняты генной инженерией и биомолекулярной машинерией.

Вдоль коридора тянулись трубы, кабели, провода. Освещение скудное, под ногами слякоть хлюпает. А за поворотом в стенку были вмонтированы лазерные датчики движения – мы едва не напоролись.

Камински послала миниробота с крохотными зеркалами, который так лучи отразил, что образовался проход – сорок на сорок сантиметров. Проползти в эту щель было трепетным делом. Я едва-едва вписАлся.

Еще пара минут понадобилось, чтобы в бодром темпе добраться до цеха. Там мы переправились через бассейн, который просто «кипел» благодаря обилию сомиков. Через бассейн шел и мостик, но шествовать по нему было опасно – из-за установленной видеокамеры. Так что пришлось побарахататься в живой рыбной каше, заполнявшей водоемчик. Пока что ни один человек нам не попался – на свое счастье. Несмотря на жуткую грязь и антисанитарию все процессы здесь были автоматизированы.

И до Ваджрасаттвы было еще далеко, он находился где-то на семь уровней выше, в лабораторном блоке. Но от нас уже вовсю несло тиной и рыбой – в приличное общество мы явно не годились. Камински, кстати, даже не морщилась в отличие от меня и Майка. Железобетонная женщина. А может быть

зомбированная?

Впрочем, мы быстро сбросили склизкие вонючие гидрокостюмы – в этот самый бассейн с сомами. А затем прыгнули на транспортер, который вывозил всякий ил и компост, он нас и перенес в другой цех, где выращивались черви – на прокорм рыбам.

Тут среди чанов с живым наполнением прогуливался один мужичишка – хрен его знает, кто такой; может работяга, а может и часовой. Во-всяком случае был он азиатом с малоприятным лицом «плохого парня» из кунфушного фильма. И выход перекрывал нам железно.

Мы спрятались за штабелем ящиков, а когда «плохой парень» поровнялся с краем штабеля, я ему закатал ногой в живот, так что он согнулся и не мог слова выдавить… Камински же перерезала ему глотку одним аккуратным движением.

Черт, не ожидал. Я думал, свяжем, залепим ему рот клейкой лентой; поваляется тут до конца нашей операции. Но патентованная диверсантка Камински расправилась с ним как с вражеским солдатом. Мне показалось, что и Майк недоволен таким поворотом событий.

И что любопытно, после смерти лицо мужика утратило неприятность, вполне нормальная у него физиономия была. Неужели я видел маску, которую Камински втюхала в мои зрительные нервы? Как же мне фильтр поставить, как отслеживать дерьмо, поступающее по каналам СБС в мой беззащитные нейроконнекторы?

А еще наша решительная дама отстрелила несчастному азиату кисть пулей типа «сюрикен». Рука, и в самом деле, работяге была уже не особо нужна. Камински приложила ладонь мертвеца к соответствующей сканирующей панели около двери и выход из цеха открылся.

Но перед этим мы переоделись. Камински натянула на себя одежду убитого, а мы с Майком какие-то обдолбанные робы, которые валялись в шкафу.

За цехом мы оказались в небольшом холле, там сели в лифт, который нас поднял еще на пару уровней. Выше пока лезть не стоило – лабораторный блок был хорошо защищен.

Выйдя из лифта, мы прошли по коридору вдоль двух рядов дверей. Здесь располагалась контора и почти не было народа в грязных робах, вроде нашей. Чтобы особо не маячить, мы торопились, быстро семеня ногами, а клерки, которые встречались по дороге, вымученно улыбались и прижимались к стене, давая нам дорогу.

В конце коридора имелась дверь, на которой был нарисован

микроскоп. Мимик-палец, отслеживающий маршрут, уверенно показал, что нам сюда.

Мы вошли и положили на пол двух человек в белых халатах – одного голландца с физиономией развратного придурка и бабу-азиатку с вполне милым личиком. Если точнее, сбили с ног электрическими разрядниками – чтобы вывести из строя их системы ближней связи.

Здесь располагалось что-то вроде лаборатории биоконтроля. Холодильники, центрифуги, установка электрофореза, штативы с пробирками, склянки с реактивами, аппарат автоматического тестирования, похожий на те ящики, что на вокзалах всякую всячину продают.

Но нас интересовали только компьютеры. Камински заперла дверь, а я подсел к «Пентюху», на котором только что трудился голландец.

– Ты за какую футбольную команду болеешь? – спросил я у лежащего мужика на английском.

– За «Аякс». – выдавил лаборант, видимо не вполне очухавшийся от разряда.

– Я тоже. Классная команда. А этот комп подключен к локальной сети?

Голландец на это раз скромно промолчал, и Камински слегка дала ему по кумполу носком ботинка. Кумпол видимо загудел и мужик заговорил.

– Да, подключен… Только оставьте мою голову в покое.

– Заметано, мужик. Только ты не тяни резину. Пароль высшего уровня для входа в локальную сеть?

– Пароль: Ницца. Мой логин: Ральф.

– Хороший, солнечный пароль.

Я вызвал на экран окошко локальной сети и ввел пароль. Проскочил. Сетевая система выдал обширное меню, где было все, начиная от бухучета и кончая играми. Я решил сперва наладить связь с Раджнешом Ваджрасаттвой.

В меню имелась красивая пиктограммка, открывающая подменю «Personnel»[14]. Щелкнул [15] ее и получил весь список сотрудников в столбик. Однако не одного имени, только клички.

«Я думаю, что Ваджрасаттва как порядочный индус пользуется кличкой Джива или Арджуна, – подсказал Майк по СБС, чтобы нас не слышали лаборанты.

Я щелкнул кличку Арджуна и тут же система забибикала,требуя от меня еще один пароль, да еще выспрашивая, по какой-такой причине я лезу на контакт с данным субъектом. И даже назад, в главное меню, уже не собирается выпускать. У меня из-за этого адреналин как цунами по сосудам

пронесся. Соответственно все внутренности сжались и яички подпрыгнули.

Похоже, голландец хренов придержал пароль высшего уровня… или Майк что-то напутал.

Я поднял лаборанта за шиворот и ткнул носом в экран.

– Ну, что скажешь? А теперь глянь на мою рожу, смотри, какая она красная. Это потому, что я готов пришить тебя.

Он хотел что-то сказать, дабы я подобрел, но вместо этого булькнул и упал, пустив струйку крови изо рта.

Эта чертова азиатка, за которой присматривал Майк, прикончила своего напарника какой-то острой железкой типа скальпеля. Она, конечно, получила рукояткой пистолета от Камински по затылку и улеглась без чувств. Но было уже поздно.

«Майк, сученок, что ж ты не держал ее, как следует?»

Неформал пожал плечами, дескать виноват, больше не буду.

Да, этим азиатам доверять нельзя, хотя некоторые из них вроде на нашей стороне. Впрочем, никакой нации нельзя доверять, но раскосые – просто мастера сотворить что-нибудь такое неожиданное.

«Ничего, сейчас она у меня заговорит.» – уверенно сообщила Камински по СБС и, прежде чем, что-нибудь спросить, дала лаборантке пару раз по физиономии. Та жалобно застонала и стала приходить в себя.

«Майк, вколи-как ей пару кубиков СТ.[16]" – распорядилась разведчица.

Знаю насчет этого СТ, на этом глюкотреке человек так далеко уезжает, что ему уже плевать на задания партии и правительства. Он все, что угодно скажет, лишь бы от него отстали.

«Можно и СТ, хотя я рекомендовал бы ТМТ.[17]" – Майк выудил из ранца шприцампулу (сколько у него этих снадобий?) и поднес к вене азиатки.

«Это не СТ», – прошипела вдруг Камински, в руке у нее покачался приборчик, который я опознал как отражательный масс-спектрограф.

– Я мог ошибиться, – вслух произнес Майк, голос его стал неожиданно тягучим.

– Нет, ты не ошибся. – тоже вслух сказала Камински.

Их руки почти одновременно метнулись к пистолетам, но с дыркой во лбу стал валиться Майк. Его худое тело произвело кошмарный грохот.

«Никогда ему не доверяла," – проговорила в виде эпитафии Камински, перейдя на СБС.

«Почему?» – осведомился я довольно тупо. Моя башка еще решала, как все это воспринимать.

«Да ведь наркоман же, глюкодромщик. Кто его заглючит лучше, тот и будет хозяином.» – спокойно разъяснила Камински.

У мертвого Майка физиономия переменилась в худшую сторону – уже он не йог-неформал, а паскуда-наркоделец, получивший по заслугам.

«А мне ты доверяешь? Или тоже припасла пулю?» – спросил я.

«Как же тебе не доверять, ты ведь совсем простой армейский лейтенантик, – Камински хмыкнула, вероятно осознав, что мы представляем шикарную сцену для немого кино; выразительные глаза, мимика, активная жестикуляция. – Конечно, не доверяю… хотя меньше, чем ему.»

Она пошарила в ранце Майка и вытащила еще одну шприц-ампулу.

«Кажется, это – то самое…»

Камински сделала укол азиатке, у которой теперь на лице тоже нарисовалось нечто негативное (до чего мне надоели эти фокусы с мимиками), и уже через пару минут та забормотала всякую ахинею, демонстрируя свое спутанное сознание.

Камински взяла девушку за волосы и рявкнула ей пару раз в ухо, требуя ответов. Через двадцать секунд лаборантка выложила нам пароль высокого уровня.

«Давай проверяй, годится ли он для повышения статуса. – скомандовала мне Камински. – Иначе я сейчас уши на затылке завяжу…»

Пароль благополучно вывел меня из ловушки в подменю «Personnel». Затем я плавно вошел в подменю «Chat»[18], где похоже и разрешалось общение между сотрудниками не по делу, а так – для расслабона.

«Кажется, это годится для болтовни.»

«А для остального?»

Я попробовал еще сунуться в подменю, называющиеся «Schedule» и «Rules»[19], но понял, что пароль паролем, а статус компьютера тоже играет роль. Низкий слишком статус у моего, вернее, у лаборантского компа. И если я буду очень назойливым, это тоже не останется без последствий.

«Слишком опасно туда лезть. Дай-ка я сперва с Раджнешом пообщаюсь.»

«А эта кунфушница нам еще нужна?» – справилась Камински, хищно поглядывая на азиатку; моя напарница как будто торопилась нарисовать на фюзеляже еще одну звездочку. Ну, точно, в конце концов, эта чертова разведчица продырявит и меня.

«Может еще и понадобится.»

«Угу. Все вместе выпьем за дружбу, любовь и траханье между

народами.»

Камински неожиданно поцеловала азиатку в лоб, а затем отпустила ее голову, которая с приличным стуком упала на паркет. Не убила, и то приятно. Впрочем, напарница все сразу разъяснила:

«Не удивляйся, Дима, что я ее не прикончила. Ее свои расстреляют, после многочасовых допросов и пыток.»

У меня не было времени «порадоваться» за кунфушницу, я уже пытался через «Chat» достучаться до Ваджрасаттвы. Через минуту мне было известно, что он сейчас сидит за компьютером, что подключен в локальную сеть… и то, что ему неохота трепаться.

«Раджнеш, привет.»

Никакого отклика. Я попробовал еще пару раз вытянуть его на контакт, но он не отзывался.

«Ученый, похоже, сильно задумался, – сказал я Камински. – И вообще не стой за моей спиной со взведенным пистолетом. Это бы нервировало даже динозавра.»

Тогда она подвинула стул и села рядом со мной. Так ей труднее будет пристрелить меня, если не выйду на связь с Раджнешем. И я, пожалуй, если почувствую неуспех своей миссии, смогу закатать дамочке по горлу.

Но выглядели мы теперь, ни дать ни взять, студенческая парочка – если, конечно, не считать двух трупов и одной сильно бредящей наркоманки.

«Эй, Раджнеш. Не заскучал, может сыграем?»

Неожиданно этот чудик Ваджрасаттва откликнулся, даже не спросив моего имени. То есть, он наверняка посчитал меня тем самым голландцем.

«А у тебя есть что-нибудь новенькое, Ральф?»

«Если желаешь новенькое, то есть и новенькое. – с готовностью откликнулся я. – Давай только перейдем в отдельный канал.»

Я сунул микродиск с игрулькой в прорезь дисковода. Посмотрим, что получится.

Игра была типа MUDEO и называлась «Сны Брахмана». В общем-то это фирменная штучка, но незадолго до войны я с одним приятелем, большим спецом по машинным кодам, взломал ее защиту и кое-что усовершенствовал. Я сам от нее где-то с месяц торчал почти без перерывов, едва не помер от истощения.

Суть ее такова. Я ввожу в игру волшебника, который создает целый мир, состоящий из воздуха, земли, воды, вредных, полезных животных, растений, людей и тому подобной параши; организует деревни, города, замки, монастыри. Другой игрок

запускает еще одного колдуна, который пытается подчинить себе мой мир или сравнять его с дерьмом, применяя вооруженную силы, чуму-холеру и обильное колдовство. Я обороняюсь…

Канал в подменю «Chat» соединил нас не хуже любого другого сетевого канала. Мы рубились час, Камински ерзала, Раджнеш сгорал от игровых страстей. Наконец он превратил мой мирок в сон и таким образом победил.

Но в течение этого часа я не только развлекал Ваджрасаттву. Заодно «полазал» по его компьютеру. Подсмотрел парочку паролей, болтающихся в системном журнале рассеянного ученого и вошел в локальную сеть уже через его машину. Открыл подменю «Schedule» и «Rules», грабанул план лабораторного комплекса, коды доступа к лифтам, дверям и что особо ценно – к коммуникаторам сотрудников.

«Ну, что сыграем еще во что-нибудь, Ральф?» – робко спросил ученый.

«Грех отказываться, только продолжим минут через двадцать, мне тут кое-какую работенку подкинули, ты же знаешь эту мудянку.»

Наступала основная часть операции. Я переоделся в костюмчик почившего лаборанта Ральфа, а Камински в шмотки радостно бредящей лаборантки. В кармане скинутой робы осталась рука азиата из кормового цеха. Впрочем, и на этот раз пришлось отстрелить кисть – у бедняги-голландца. Это охотно сделала моя компаньонка. А я считал у него PIN, воткнув иглу-штеккер в разъем миниатюрного коммуникатора, прилепленного ему к предплечью.

Мой новый белый сюртук был слегка подпорчен кровавым пятном на спине, а халат азиаточки оказался, мягко говоря, коротковат для Камински. Но ножки у нее были ничего. У этой убийцы ножки были что надо. И ручки тоже. Один раз заедет, больше не понадобится.

Мы спрятали все ненужные тела в шкафы, вышли из лаборатории биоконтроля, заперли ее дверь и двинулись по коридору к лифту. Наши комперы, насосавшиеся новой информации, уверенно рисовали мимик маршрута, похожий на ариаднину нить.

Лифтов здесь вообще-то было два. Но один – обычный, который мог отвезти нас только вниз, а другой – особый, способный доставить вверх.

Ладонь мертвого голландца была приложена к контуру на сканирующей панели возле лифтовой шахты, и после того, как случилось опознание, я набрал пароль на пультике. Кабина появилась только через пару минут, заставив нас подергаться –

сирена-то могла завыть в любой момент. Мы ведь уже прилично наследили.

Камински хотела было нажать кнопку этажа своим пальцем, но я вежливо ее отстранил. В кабине лифта все кнопочки были непростые, при касании, запрашивающие PIN от компера.

«Это тебе не из пистолета мужиков стрелять…»

Затем сам коснулся кнопки, выдавая PIN лаборанта. Пару секунд жуткого ожидания, когда все внутри сжимается, выдавливая из кожи сало и пот… Наконец мы поехали вверх.

Впрочем, это трудно было назвать «поехали». Хотя лифт добирался до нас дьявольски долго, сейчас он взлетел с каким-то космическим ускорением. Просто не лифт, а сатана. После торможения можно было почувствовать, как стекают вниз подпрыгнувшие внутренности.

Дверь лифта раскрылась и впустила нас в лабораторный блок.

Сразу стало ясно, что здесь куется будущее. Лампочек и окон нет, люминисцирует сам потолок, по полу катятся «беспилотные» программируемые тележки, нагруженные разным барахлом. Мы установили взрывное устройство в шахту лифта и поспешили вслед за приглянувшейся тележкой.

Тележка ехала четко, снимая ток с металлических лент, пересекающих коридор. Затормозила она только у таблички «Nanolab #2». Перед ней распахнулась дверь, только не большая, а маленькая, особая. Камински срочно загрузилась в тележку, вышвырнув оттуда всякое барахло – и въехала зайцем в лабораторию.

Через минуту она открыла для меня «парадную» дверь.

Камински успела основательно поработать в лаборатории за эту минуту. На полу валялся труп охранника с резанной раной на шее. С пяток лаборантов также лежало на полу, живые, но похоже сильно пострадавшие от электрических разрядов. Сильно пахло озоном и палеными волосами.

«Помоги-ка их упаковать.»

Каждому сраженному пришлось заклеивать слюнявый что-то бормочущий рот, а также прихватывать подрагивающие руки и ноги.

И лишь когда я покончил с этим пакостным делом, Камински сказала мне по СБС:

«Только вот поганца Раджнеша здесь нет.»

У меня все упало внутри, я чуть не застрелился. Но тут раздался шум спускаемой воды и в просторное светлое помещение лаборатории вошел маленький чернявый человек с длинным носом. По расстегнутой ширинке я сразу узнал

большого ученого.

– Главное в любом деле – это вовремя спустить воду, – поприветствовал я его.

Почему-то и он признал меня.

– А тебя есть еще что-нибудь классное, но только не стрелялки и не симуляторы, а MUDEO? – спросил Ваджрасаттва. – Я ведь сразу понял, что ты не Ральф. Он в общем-то совсем не любит играть, скучный тип.

– Меня и в самом деле зовут не Ральф. Конечно есть, Раджнеш.

Я навел на него ствол и добавил.

– Я знаю, что в тебя вживлен компер, так что не стоит подавать сигналы о помощи.

Он, естественно, сдрейфил. Как-то посерел – это такой вариант бледности для смуглых людей.

Я уж думал, что ученый сейчас завопит как скаженный или бросится на меня, размахивая туалетной бумагой, или чего доброго направится в окно, но к нему подошла Камински и он сразу как-то переключился. Если точнее, расслабился.

– Это ты? – спросил Ваджрасаттва у моей напарницы с легким ненапряженным удивлением.

Ученому почудилась в Камински какая-то знакомая баба!

Может, и у Ваджрасаттвы есть нейроконнекторы на зрительных нервах? А нашей диверсантке удалось неким образом надеть на себя мимик-маску?

– Конечно, я, – смело отозвалась она. – Ты поедешь со мной, Раджнеш. Но для этого надо проделать кое-какие упаковочные процедуры.

Я подошел к биокибернетику и задрал ему рукав, Камински же мигом всадила ему укол – снотворное заодно с эндорфином – и господин Ваджрасаттва сладко-сладко зевнул.

– Ничего не бойтесь, – сказал я засыпающему ученому. – Вы просто меняете место работы. У современных людей это происходит в среднем семь раз за жизнь.

Едва он уронил клюв-нос, я стал разбираться с его компером. Это было довольно тонким и неприятным делом. Сканирование показало, что коммуникатор Раджнеша пищит непрерывно как в режиме ближней, так и дальней связи. Ясно, что эта сигнализация работает ради начальства, которое хочет иметь своего ученого день-деньской под контролем.

Крохотным лазерным скальпелем Камински рассекла кожу Ваджрасаттвы под ключицей – там, где я показал – и вытащила пинцетом аппаратик размером с гильзу. Это и был компер.

Я сунул в его разъем иголочку штеккера, пробил защиту

одним из свистнутых кодов доступа, и слегка перепрограммировал. Компер Ваджрасаттвы перестал следить за пульсом, давлением и другими показателями организма. Вернее застыл на самом последнем замере.

Затем я приклеил компер с помощью скотча к ножке ствола.

А Камински залепила рану биокибернетика синтекожей.

Теперь можно было эвакуироваться.

И мы, подхватив на три четверти спящего Ваджрасаттву, направились к лифту, который вел вниз – к цеху по упаковке рыбопродуктов.

Время как раз приобрело ощутимую плотность и напряженность. Любое промедление причиняло почти физическую боль и заставляло сжиматься сердечные мышцы.

Лифт полз еле-еле, как улитка по склону Фудзи и Эвереста вместе взятых. Какое-то из живых и мертвых тел, оставшихся на нашем пути, могло в любой момент сыграть против нас. А тело Ваджрасаттвы стало уже спящим на все сто процентов и заодно сделалась раза в два тяжелее.

Через пятьдесят восемь минут должно было сработать взрывное устройство – когда мы по идее собирались уже покинуть объект…

Упаковочный цех оказался полностью автоматизирован, если не считать одного участка, где пара упитанных голландских теток проверяли наполнение коробок рыбным филе. Да еще за пультом сидел оператор, который следил за всем процессом сразу.

Камински «упаковала» теток и уложила их на кучу картона в углу, а с оператором-азиатом пришлось разбираться мне. Вначале он принял меня за регулировщика аппаратуры и стал что-то объяснять на помеси английского и мандарина. Потом он заметил паучиху Камински, деловито склеивающую работниц, и стал выдавать что-то в своем родном стиле кунфу. Он саданул меня пребольно по ребру (я уж подумал, что перелом), но пропустил хук в хлипкую челюсть. А потом я уж для концовки шмякнул его головой об стенку.

Все-таки перебежки с пулеметом в последние полгода довольно прилично укрепили мою некогда хилую мускулатуру. Способность обращаться с человеком как со строительным материалом тоже через какое-то время появляется.

И еще, я научился не смотреть в глаза тому, кого собрался замочить.

В конце цеха робот-манипулятор вставлял коробки с рыбой в рефрижераторные контейнеры, которые затем плавно уезжали на транспортере.

Камински срочно разоблачила большого по одаренности, но

маленького по размерам ученого Ваджрасаттву. Как профессиональная Снегурочка быстро закидала его льдом, сразу понизив температуру тела до двадцати девяти, затем нацепила ему кислородную маску. После этого осталось прилепить к Раджнешу динамические капельницы, основную и резервную, чтобы те помаленьку вводили в него поликонсервант. Это такой набор особых устойчивых белков типа hsp, который будет сохранять в организме неустойчивые белки, чтобы не случилось денатурации, а также предотвращать переход внутренней воды в лед.

Что-то похожее предстояло сотворить и с нами самими, правда по сокращенной программе. Нам надлежало проспать семь часов в холодном контейнере. Семь часов, пока контейнер будет ехать на причал, перегружаться на судно, проходить через шлюзы в открытое море, и плыть в сторону Атлантики. Но, в конце концов, должен был прилететь вертолет с нашими.

Сейчас надо было за один присест заделать пять кубиков поликонсерванта из шприца в вену и далее включить одну из капельниц.

Я от этой процедуры почти моментом задубел, а пришлось еще затаскивать налившегося свинцом Раджнеша в контейнер и самим располагаться так, чтобы не задохнуться, получив рыбий хвост в глотку.

Боль, дрожь и тяжесть одолевали меня, когда я улегся рядом с Камински на скользкие рыбьи останки. Я стал засыпать холодным сном, почти не волнуясь о том, что возможно уже никогда не проснусь. Ведь если кунфушники обнаружат нас, то могут просто кинуть в море на корм корюшке или в первую попавшуюся топку. Я уже устал волноваться, поэтому воспринимал все с безмерной стылой тоской цыпленка-бройлера.

Напоследок Камински неожиданно поймала мои пальцы своими и пожала их. Наверное, ей тоже было хреново.

Удивительно, что в этом рефрижераторном контейнере мне еще приснился сон!

Я увидел в своем холодном сне теплый благородный лес после сильного дождя: буки, клены, каштаны, дубы, сочащиеся влагой и ароматом под лучами закатного солнца. На опушке леса высокие травы плавно переходили в заросшее камышами и кувшинками озерко.

И мы гуляем по этой опушке: я и Камински, взявшись за руки, а позади идут Майк, Гайстих, мои покойные мама и бабушка, и племянник, умерший месяц назад от менингита в лишенной лекарств и света больничке, и трехлетняя моя тетя, которую немцы повесили под Одессой в 1941. Она точно такая же как на

фотографии – кудрявая, большеглазая. И отец идет, которого я никогда не видел – но мне показалось, что это отец. С опушки мы вступаем в лес, солнце уже заходит, и мы таем среди бликов, теней и изумрудной зелени листьев, ни о чем уже не жалея, ни на кого не обижаясь. Наверное, это был Рай.

Когда я проснулся, то сперва почувствовал не холод, а работу судового двигателя. Вал проходил где-то неподалеку и распространял тряску. А потом я начал с легким кряхтением оттаивать. Стал замечать цифры-мимики, она бежали как будто по небу, показывая и указывая на уровень гемоглобина, сахара, всякие там вредные метаболиты, концентрации ионов, скорость нейромышечных реакций. Я видел, что уже прошло слишком много времени, ведь мимик хронометра тоже сиял надо мной. Я не очухался вовремя!

Одна капельница с консервантом, как выяснилось, быстро вышла из строя, и вместо нее отработала резервная, но со сбоями. Та капельница, которая должна была привести меня в чувство адреналитиками, включилась позже, чем надо. И сейчас ее пришлось форсировать.

Наверное, из-за этого мне стало так больно.

Каждую мою клетку словно перетирали и раздавливали каменные пальцы, мышцы были деревянными, но это дерево горело.

Однако через три минуты я уже поднялся на колени и пустил слюни.

Неподалеку из-под коробок выглядывала серая физиономия Раджнеша в кислородном намордник. Датчик, приклеенный к его шее, светил индикаторами, показывая, что он жив. Жив в нашем понимании этого слова. Артериальное давление было немногим больше, чем у нормального мертвеца.

Камински же явно еще пребывала в отключке. Я коснулся ее руки и получил по СБС данные по ее пошатнувшемуся здоровью.

Вот зараза: какая-то дисфункция дыхательного центра и аритмия сердца, кислорода в тканях на двадцать пять процентов ниже нормы!

Лицо диверсантки сейчас было невинным и даже жалким. Мой образованный компер предложил сделать ей интубацию, да еще вколоть латровита с адреналином прямо в сердце.

Какая тут на фиг интубация? Мне бы еще в сердце ей попасть. Я вознес руку со шприцом, пробил иглой посиневшее тело напарницы, и надавил на ампулу.

Вовремя надавил. Снаружи раздался какой-то грохот, потом еще. Ну как не узнать родные звуки. Это точно автоматные очереди – ишь как тарахтят, 1000 выстрелов в минуту не меньше.

Притом секли они все ближе и ближе. Я попробовал открыть дверь контейнера, но ее, видимо, заклинило смежным контейнером.

Придется пробиваться с помощью направленного взрыва. Но только где?

Ультразвуковой минироботзонд в таком нагромождении металла никак не мог подыграть. Я обстучал стальные стенки и мне показалось, что сверху имеется свободное пространство.

Прикрепил к подволоке контейнера два батончика со взрывчаткой, воткнул иглы взрывателей и двадцать секунд подождал.

Потом было много дыма, пара, вони, брызг фреона и окалины. Однако крепкий оказался контейнер. Металл крыши был пробит и отогнут, но до нормальной дыры оставалось еще далеко. Я приподнялся насколько мог и стал, обжигаясь и кряхтя, отжимать кусок рваного горячего железа.

Затем высунул голову из контейнера и мой инфракрасный сенсор прорисовал окружающее пространство.

Мы были в закрытом трюме, но по его люку топали тяжелые башмаки. Я по этому звуку догадался, что не наши башмаки. Да и голоса долетали не наши, больно визгливые. Шухер, над головой кунфушники!

Я вернулся в контейнер и начал тормошить Камински. Эта чертова машина для убийства, еще считающая себя женщиной, никак не хотела очухаться. Потом она застонала, даже прошептала, что холодно, но глаза так и не открыла.

Я прижал ее к себе, обнял, я дул на ее потрескавшиеся губы, будто она была не матерой разведчицей, а маленькой девочкой. Лицо ее действительно переменилось – ничего зловещего и хищного. Все это было лишь мимиком-маской запрограммированной на убийства женщины. Никакая она не Камински, а Катерина Матвеевна, сбившаяся с пути истинного. Если точнее, поставленная на путь неистинный.

Потом я услышал скрежет – это поднимался трюмный люк. Бросил Камински и стал вылезать из контейнера. В трюм уже врывались дневной свет, ледяная крупа, грубые гнусные голоса. Увидел я вскоре и стволы.

Наверное, и меня заметили, поэтому крикнули на английском с квакающими азиатскими интонациями: «Выходи.»

Ну, сейчас я им выйду! И заодно попробую отвлечь их внимание от Камински и Раджнеша.

– Выхожу, выхожу, не стреляйте, соколики, – сказал я, прикрепляя пистолет-пулемет «Ель» клейкой лентой к щиколотке. Прилепив, стал подниматься по опустившемуся вниз трапу.

Едва моя голова поднялась выше комингса люка, я осознал всю мрачность ситуевины. Мы плыли на судне под нейтральным либерийским флагом, но на борту, кроме нескольких матросов-негров, имелось с десяток крепких раскосых парней – из морской пехоты кунфушников.

– Руки за голову, – крикнул ближайший ко мне морской пехотинец и уже потянулся, чтобы ухватить меня за шиворот.

Ухватил, но в этот момент я одной рукой дернул его на себя, а второй вырвал чеку осветительной гранаты, висевшей у меня на шее.

Вспышка. Я вовремя зажмурил глаза, но все равно видел силуэты окружавших меня людей – компер-то не ослеп и продолжал сканировать электрополя своим сенсором. Морпех, которого я схватил, несколько раз дернулся – похоже в него попала пуля с повышенным останавливающим действием – предназначавшаяся, конечно же, мне.

Потом я ласточкой вылетел из люка, скатился с комингса и открыл стрельбу из своего пистолет-пулемета. Троих ближайших кунфушников уложил сразу. Меня, конечно, едва не изрешетили, но я уже перебрался за брашпиль лебедки.

Над головой свистели пули и дзинькали по палубе иглы, на меня наводили ствол гранатомета. Еще несколько секунд и мне конец. Но против этого я как будто даже и возражал. Мне вдруг все надоело здесь и стало интересно, что ТАМ. Там не может быть хуже, чем здесь. Там меня будет любить женщина, в волосах которой запуталось солнце, и моя трехлетняя тетя будет играть с щенком на лужайке перед домом.

Впрочем, благородная кончина была отложена.

Раздались выстрелы с неожиданной стороны. Помимо меня они были неожиданными и для кунфушников. Гранатометчик, а с ним еще трое морских пехотинцев покатились по палубе, брызгая кровью. Из люка выскочила очухавшаяся и злая Камински с короткоствольным автоматом – на лице ее уже восстановилась валькиричья красота.

Вражеские морпехи еще стреляли по нам со стороны рубки, но без особого успеха.

Рядом с нашим ржавым «корытом» болтался на волнах катер кунфушников. Но с него перебраться на либерийский борт было не так-то просто. По крайней мере, тех двоих морпехов, что попробовали вскарабкаться по веревочным трапам, мы с Камински сняли сразу. Потом катер отвалился от нашего борта и стал отходить подальше. Я так понял, чтобы удобнее было вжарить по нам ракетой «корабль-корабль».

Но сцена внезапно усложнилась. От неба, похожего на

грязное одеяло, отделились две пилюли – да это же вертолеты – и спустя десять секунд произвели ракетные залпы. По катеру и по надстройке судна. Ракеты, скатившись сверху яркими шариками, сыграли точно.

Судовую надстройку объемным боезарядом превратило в скомканную туалетную бумагу. А кунфушный катер, благодаря умелому воздействию кассетной боеголовки, обернулся снопом бенгальских огней, которые осели черной трухой на морскую гладь.

Никаких других останков я на поверхности воды не различил.

– Точную наводку я сделала? – похвастала Камински и поиграла лазерным «фонариком»-целеосветителем.

Немного погодя один из двух вертолетов, огромная машина с защищенным винтом роторного типа, завис над палубой, гоня ледяную крошку на лица совсем очумевших матросов-негров. Из открывшегося люка упало несколько трапов и сетка-люлька. Заодно на резиновых тросах спустилось пяток солдат и офицер.

Несмотря на то, что вертолет и вояки были без опознавательных знаков, я сразу узнал наших.

Офицер направился ко мне – это был один из тех солдафонов, которых я видел в подземном бункере военной разведки.

На этот раз он представился:

– Полковник Лучинский… Ваджрасаттва с вами?

– А как же, в виде леденца.

Я показал пальцем на трюм.

Спустя десять минут мы с Камински уже сидели в здоровенной кабине вертолета и дули чай с шоколадом.

Биокибернетик пребывал пока в состоянии «мертвой царевны». Температура полутрупа, десять ударов сердца в минуту, еле заметное дыхание. Полковник принял решение оставить его в виде «леденца» – неудачно разморозишь и довезешь одну тухлятину. А за это дело генерал головку снесет… Две новые капельницы добавляли ученому консервантов в задубевшее тело. Для пущей сохранности «мертвую царевну» положили в «хрустальный гроб», если точнее, в бортовой холодильник.

Похоже, задание родины выполнено. По-крайней мере, свою часть задания мы с Камински исполнили.

Камински вначале отдыхала на скамье напротив; поверх трофейного халатика на ней сейчас была здоровенная десантная куртка. На лице лишь какие-то остатки валькиристости: может, дело даже не в маске, а в душевном настрое – ее и моем.

Затем Камински перебралась ко мне и села вплотную, пусть места свободного хоть отбавляй. Солдатики-то вообще играли в

карты на другом конце кабины, а там и вовсе закемарили. Полковник подробно расспросив нас, тоже не показывался. Наверное, ему было неловко, что сам-то он ничего рассказать не может.

– Спасибо, Дима, что отогрел меня.

– А что ты разве не спала, когда я старался? Откуда ты вообще знаешь, что это был я, а не дедушка Мороз.

– Дедушка Маразм. Да не спала я, хоть не могла пошевельнуть даже пальцем. Хреновое ощущение. И еще я думала, что кунфушники достанут меня и здорово потешатся. Знаешь, я не люблю быть пассивным объектом.

– Я это заметил.

– Пошли в кабинку стрелка, – предложила Камински. – Оттуда здоровский вид.

Мы поднялись по трапику в кабинку – наполовину прозрачный фонарь, несколько правда загроможденный казенной частью турельного пулемета и свисающей лентой с самонаводящимися реактивными пулями калибра 12,7 мм.

Мы уселись на сидение, вращающееся вместе с кабинкой. Вид и в самом деле был здоровский. Где-то внизу ворочалось холодное море и били заряды ледяной крупы. Но сейчас мы поднялись выше облаков и закатное солнце красило их верхнюю кромку в розовый свет, придавая им кажущуюся плотность матрасов.

– Вот бы там поваляться, – сказала Камински.

– Давай не будем туда торопиться.

– Ты знаешь, если честно, когда ты прижимал меня там в трюме, мне почему-то захотелось быть пассивным объектом.

– Не забывай, что прижимал-то я тебе всего лишь к груди. – напомнил я, пытаясь разгадать, что у напарницы на уме. Замысел очередного убийства или?..

– А еще как-нибудь можешь? – подначила Камински и я уловил новые интонации в ее голосе.

– Да боюсь я тебя, неохота связываться.

– Не бойся, я снова семнадцатилетняя гимназистка.

– Сигнал понял без СБС.

Действительно, почему нет? И в самом деле, Камински перестала излучать плотоядную сосредоточенность. Доспехи валькирии как будто треснули.

Я расстегнул молнию на ее десантной куртке, похожей на шкуру нерпы, потом пуговицы на мягком белом халатике, тогда она сама взяла мою руку и повела ее в интимные уголки своего тела. Те, конечно, были мне отчасти известны, но сейчас все было иначе и словно впервые.

Потом она раскрылась на мне как цветок и мы занялись старым древним делом, чему несколько мешала теснота и чертов пулемет. Ну и кисть мертвого голландца, внезапно вывалившаяся из кармана у Камински и как бы указавшая на то, что от прошлого так просто не отвяжешься.

Когда мы закончили, то просто сидели, обнявшись, щекой к щеке, и смотрели на облачную страну, которую слабое полярное солнце покрывало бледно-розовыми мазками.

И я спросил:

– Что из того, что я видел и вижу, является настоящим, а что фигней, мимиком, маской? Ты, наверное, знаешь лучше, чего там в меня накачивают.

– Маскам не дано увидеть настоящие лица.

– От философии меня всегда поташнивало. Тем более, если ее источала женщина. Ты мне суть давай, Камински.

– А что конкретно тебя волнует, парень?

– Ну, существовал ли на самом деле капитан Гайстих, который, кстати, возглавлял нашу группу?

– Догадливый, черт, – Камински улыбнулась без всякой хищности. – Маску Гайстиха носило несколько разных людей. Последний, которого ты удачно разорвал на кусочки выстрелом из винтовки, был просто проводником. Существование персонажа по имени «капитан Гайстих» поддерживалось только для твоей пущей уверенности.

– Кто же на самом деле был командиром группы?

– Никаких командиров. Есть четкое ЗАДАНИЕ и надо его выполнить любой ценой; глупость или предательство командира – недопустимы; у каждого члена группы свой вектор, но сложение векторов должно привести к цели.

Казалось, от лица Камински заговорил какой-то сверхорганизм: Отец-Генштаб… И это мне не понравилось. Да, трудновато ей будет полностью очеловечиться.

– В самом деле, четко… А Майк? Он-то существовал как единое целое?

– Конечно, пока я его не пристрелила. Майк на самом деле был не только наркоманом, но и коренным амстердамцем, работавшим на кунфушников. Он единственный, кто уже бывал на объекте «Юнилевер». Наша разведка захватила его с полгода назад, провела перепрограммирование через глубокие нейроконнекторы – и он начал как миленький работать на нас. Ты, кстати, слышал не его голландскую речь, а уже перевод-маску… В общем, стал он на нас работать, однако в родной обстановке мог быстро и спонтанно депрограммироваться со всеми вытекающими последствиями. Поэтому, после того как он

выполнил свою задачу, его надо было поскорее ликвидировать. Под любым предлогом. Предлог нашелся, и я надеюсь, что он был серьезным.

Я хотел повыспрашивать у Камински, а кем же она является на самом-то деле; не была ли в натуре знакомой с Раджнешом Ваджрасаттвой – но только успел раскрыть рот. А потом мой рот стал издавать крик.

Дело в том, что наш вертолет и два самолета сопровождения были атакованы звеном вражеских истребителей «Шеньян-27А». Как я слышал, эти летающие аппараты являются переделкой нашего самолета «МиГ-41» с волнопоглощающей поверхностью, который мы поставляли кунфушникам вплоть до их нападения. А на Севане меня, кстати, пытались отутюжить турецкие танки, что были лицензионными копиями нашего «Т-90».

Впрочем, я не успел испытать гордость за достижения нашей авиационной науки.

Мы падали вниз, в ледяную пустыню, с раскуроченным хвостом. А самолеты сопровождения, видимо, сгорели, так и не увидев противника на экранах своих радаров.

Я помню, что выпал из кабинки стрелка, бился в борта, наконец схватился за какие-то рымы. Там сзади, где недавно дремали солдатики, зияла сейчас дыра с огненными краями и отчаянно трепещущими лохмотьями. Но эта дыра, за которой метались облака и льды, не особо привлекала мой взор. Да и никакого осмысленного взора-то не было.

В конце падения случилась такая круговерть, что я ощущал только плескание жидкостей в своем теле. Я казался себе большим несчастным пузырем с водой, который все бьют и пинают. В момент соединения машины с поверхностью, я брызнул в разные стороны, и физически, и психически.

Это оказалось для меня не смертельно, в первую очередь, потому что винт раскуроченного вертолета какое-то время еще проработал в аварийном режиме. Очнулся я в снегу, от холода. Надо мной было, наверное, снега еще с метр. Кажется, такой снежный слой и спас меня сперва от изничтожения, а потом от полного оледенения. Я зашевелился, преодолевая боль и окоченение, проверяя свои раны, потом принялся рыть шахту и наконец выбрался на поверхность.

Ночные сумерки заканчивались и солнце уже перебрасывало серые тени через пологие холмы. Компер накрылся и перестал следить за моим здоровьем, не видел я больше и мимиков. Но зато кости были целы, и это оказалось важнее.

Я стал пробираться к ближайшему совсем невысокому и словно бы взрыхленному холмику, то и дело проваливаясь по

мошонку в снег.

Нашел одно шасси вертолета, турбину от двигателя, обломки ротора. Труп одного из летчиков. Тело Камински. Больше я ничего не обнаружил, если не считать двух саморазогревающихся банок с тушенкой. От Раджнеша и следов не осталось. Камински была стопроцентно мертва и ни на градус тепла не отличалась от окружающего пространства – хотя лицо ее совсем не напоминало лицо Камински. Это было лицо моей жены Ривы – вся маски спали….

И сейчас Рива уже гуляла в том изумрудном лесу, куда рано или поздно попаду и я… Но почему она не разу не скинула маску, пока была жива? Не хотела или не могла, потому что это не входило в планы командования?

Командование и кунфушники нам даны в наказание за грехи наши – за лень, за невнимание к мелким радостям жизни, за пренебрежение единством мира…

У летчика я одолжил комбинезон с электроподогревом и отправился в сторону восходящего солнца.

Меня подобрали через три дня какие-то скандинавы, когда мне было уже совершенно все до фени. Они выспрашивали у меня кое-что на булькающем английском, но я вежливо посылал их в задницу; так что спустя неделю они передали меня российскому военному атташе.

Мне было все равно, когда я, несмотря на общий неуспех, отхватил очередное воинское звание и попал на постоянную работу в верхний эшелон военной разведки. Я так и не получил ответа на вопрос: как моя Рива, милая слегка истеричная женщина, стала агрессивной и хладнокровной госпожой Камински.

Мне несли всякую околесицу:

«Интересы государственной безопасности не позволяют придать огласке… Даже вам, хоть вы и муж… Тем более, что вы и не муж, развелись ведь…»

Ладно, я как-нибудь и сам догадался, что тем самым индусом, с которым Рива дала от меня деру, и был Раджнеш Ваджрасаттва.

Именно этот фактор определил и ее, и мое вовлечение в эту операцию. Ни ее, ни меня особо не спрашивали. Но, видимо, Рива подверглась гораздо большей переналадке и перенастройке…

Спустя месяц меня послали на работу в столицу одного нейтрального скандинавского государства, собирать информацию о том, каким макаром кунфушники приобретают наноманипуляторы, которые нужны им для синтеза вирусов с заданными характеристиками. Характеристики, ясное дело, особо

вредные для русского человека.

Однажды, уработавшись на электронной слежке, я решил отдохнуть, слегка так расслабиться, и зашел в в местный зоологический музей. Я ведь с детства мечтал побывать там, где встали в вечный караул древние здоровяки: мамонты и динозавры. Но все как-то не доводилось.

А тут я уже с порога узнал, что в музее новый экспонат: молодой мамонт, вмерзший в вечную мерзлоту и ныне хранящийся в прозрачном холодильнике при температуре минус десять.

Конечно, я побежал к этому мамонту и, прижавшись к холодному стеклу, пялился на него во все глаза.

Хит сезона был очищен ото льда, но как бы сидел на постаменте – куске натуральной вечной мерзлоты.

Я разглядывал его рыжие волосы, и закрытые глаза, и печальные уши.

Вот и все, что осталось от красивых, выносливых, умных жителей доисторической тундры. Ей Богу, мне куда больше жалко их, чем нашу злобную и тупую цивилизацию, которой сейчас настают кайки.

Да, мамонты имели гораздо больше прав на благополучную жизнь, чем лысые обезьяны Homo Sapience, чем все наши сраные европейцы-эпикурейцы, азиаты-мудократы и поганцы-африканцы.

Я ходил вокруг экспоната как часовой на посту, я терся около него, словно он был девушкой. Что-то меня держало и не давало уйти. Мне даже показалось, что я вижу во глубине постамента подошвы ботинок.

На следующий день я пришел в музей с портативным сонаром. Эхолокация дала весьма примечательную картинку. В льду находилось тело!

Ночью я снова посетил музей, на этот раз с помощниками. Они вырубили сигнализацию и «выключили» музейных охранников, мы проникли в мамонтовый отсек и стали пилить лед.

В ледяной могиле лежал не кто иной, как Раджнеш Ваджрасаттва, в элегантных ботиночках из светлой кожи тридцать девятого размера, Да и не могила это была вовсе. По датчику на шее замороженного индуса стало ясно, что он «потенциально» жив. Глубокий холодный сон перешел в настоящий анабиоз. Почему нет? Неустойчивые белки были связаны, из-за поликонсервантов вода не смогла обернуться льдом и разрушить клетки.

Случилось событие с ускользающе малой вероятностью, что однако подтвердило теорию Юрия Ким-Дэ-Хо о потенциале

сходимости когерентных систем.

Сбитый вертолет упал в арктической пустыне, холодильник с Раджнешем пробил снег и лед, развалился и оставил тело в слоях вечной мерзлоты – там же, где вылеживался мамонт. Пронырливые скандинавы, летающие над Арктикой, не только обнаружили обломки нашей машины, но заодно и мамонта откопали. Только не заметили в куске льда, который прихватили под постамент, некоторый чужеродный объект.

Спасибо тебе, Юра, спасибо вам, мамонт.

Над телом, доставленном в российское посольство, стали немедленно колдовать врачи-умельцы. И что же – через недельку я уже играл с воскрешенным Раджнешом в «Брахмана» и многое другое. А потом его отправили в дипломатическом багаже рейсом на Москву – ему предстояло создавать боевых нанороботов для моей родины. Я прощался с биокибернетиком как с родным человеком, ведь у нас с ним была одна жена на двоих.

Рива прожила с Раджнешом три года в Сингапуре. Пока не потерялась во время паники в аэропорту, который попал под обстрел кунфушников…

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Лейтенант Дмитрий Тачиловский, будучи смертельно раненым 20 июня 20.. года под Владивостоком, жил еще неделю, и не только жил, но и участвовал в эксперименте типа MUDEON, проведенном на квантовом суперкомпьютере «Лотос-3» мощностью 33 триллиона ментальных операций в секунду.

Эксперимент позволил смоделировать состоявшуюся незадолго перед этим операцию нашей военной разведки по эвакуации известного биокибернетика Раджнеша Ваджрасаттвы. Операция закончилась неудачей, вертолет с ученым и нашими разведчиками был сбит противником 15 мая в неизвестном секторе Арктики. Однако информация, полученная от разведчиков по каналам спецсвязи, дала возможность смоделировать Виртуальную Реальность (ВР), которая адекватно отразила событийный ряд.

В эту ВР с помощью широкополосных нейроконнекторов и был «погружен» Дмитрий Тачиловский. Глубочайшая интроверсия лейтенанта Тачиловского позволила ему смоделировать и те сегменты ВР, которые не обеспечивались имеющейся информацией. (Возможное объяснение этому феномену дает гипотеза Юрия Ким-Дэ-Хо о «схождении квантовых состояний когерентных систем в симметричном глюонном поле».)

Результатом эксперимента явился неожиданный большой успех – обнаружение замороженного тела Ваджрасаттвы и возврат его к полноценной научной деятельности на благо нашей родины. (Сконструированные им наноботы серии 12С, несмотря на все свое несовершенство, во многом изменили ход третьей мировой войны. И этот коренной перелом начался со знаменитой «пылевой бури» в Манчжурии, которая вывела из строя две армии противника: до семидесяти процентов личного состава получило серьезные поражения наружных покровов и внутренних органов.)

Лейтенант Дмитрий Тачиловский является одним из многих незаметных и незнаменитых героев нашей родины, ГЕРОЕВ СОЗНАНИЯ, которые по своему потенциалу равняются целой дивизии.

Из секретного учебника для подразделений виртуальной защиты Министерства Обороны России и Российского Содружества Наций.

notes

Примечания

1

1. зенитная ракетная установка

2

2. десантно-штурмовой батальон

З

3. англ., психическая щекотка

4

4. Multi-User Dungeon with Evolving Objects – многопользовательская игровая система с эволюционизирующими объектами

5

5. сербский националист, чей терракт стал поводом к началу I мировой войны

6. «железо», от англ. hardware, аппаратура; софт, от англ. software, программное обеспечение

7

7. наркотик опиатного ряда

8

8. синтетический гашиш

9

9. отдел мозга, отвечающий за начальные мотивации

10

10. кодировки сигналов

11

11. виртуальная реальность

12

12. нервный центр, отвечающий за «базовую» память

13

13. нем. сейчас я тебя попробую, мой сладенький

14

14. англ. персонал

15

15. от англ. click, операция с графическим символом, с помощью которой пользователь запускает ту или иную программу

16

16. serenity-tranquility, умиротворяющий синтетический психоделик

17

17. триметилприптамин, психоделик растительного происхождения

18

18. англ., беседа

19

19. «расписание» и «правила»